

ЮРИЙ КЛИМОНОВ

СУДЬБА НА ИЗЛОМ : ИЗЯ

Юрий Климонов

Судьба на излом: Нэя

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40521981
ISBN 9785449623867*

Аннотация

Эта книга представляет собой хроники второй книги, периода 1959—1964 гг. Повествование ведётся от Сергея Асташёва – командира первого звездолёта объединённых миров о становлении его легендарного экипажа и рождении Космического Флота двупланетарья Земли и Нэи. Этот экипаж откроет главную загадку космоса – одиноки ли мы во Вселенной, выйдем ли победителем из нескольких серьёзных передряг и станем ли путеводной звездой на пути к содружеству многих миров.

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	28
Глава 3	50
Глава 4	73
Глава 5	93
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Судьба на излом: Нэя

Юрий Климонов

© Юрий Климонов, 2019

ISBN 978-5-4496-2386-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Глубоко неуважаемым мной господам либералам, фанатиками различных религиозных конфессий и демократам читать эту книгу не рекомендуется во избежание изливания желчи и приступов дикой злобы, а, возможно, и каких-то других душевных потрясений.

Тем, кто всё-таки решил прочесть – приятного чтения.

Все совпадения с реально существующими людьми или событиями случайны, роман с начала и до конца является плодом авторской фантазии.

Пролог

Из воспоминаний командира первого звездолёта объединённых миров – «Ши Хо», Сергея Асташёва

Первопроходцам всегда тяжело: сказывается отсутствие опыта в тех ли иных ситуациях, приходится полагаться лишь на свою интуицию и здравый смысл. А если ты командир, то на твои плечи ложится двойная или даже тройная ответственность.

Трудно перелистывать страницы истории, если они сопряжены с трагическими событиями, но потомки должны знать, как начинался путь к звёздам, и какую цену пришлось за это заплатить всем нам – людям обеих планет-побратим в нашей Солнечной системе.

Человечество скинуло ярмо угнетателей и многовекового мракобесия. Сейчас в мире практически нет болезней, вместо дымящих двигателей внутреннего сгорания на смену прошло экологически чистое топливо. Каждый гражданин имеет право на труд в меру своих способностей, которые, кстати, значительно выше, чем были ещё три-четыре десятилетия назад. У людей есть выбор, где поселиться – в комфортных условиях, в любой точке обитаемых планет нашей планетарной системы.

Долго думал, с чего начать своё повествование. Наверное, детство описывать не буду, об этом более или менее подроб-

но рассказали мама и брат. Начну, пожалуй, с поступления в Академию.

Был погожий июньский денёк, когда мы с братом пошли подавать документы.

Глава 1

23 июня 1959 года. Подмосковье. Административный корпус Академии Далёких Перспектив. 8 часов 45 минут

Приёмные экзамены в Академию Далёких Перспектив сродни конкурсному отбору в институт КГБ. Тебя проверяют по всем предметам, выискивают малейшие несоответствия в биографии и тыкают в них носом, как кутька. Выпускник Академии должен быть безупречен своей биографией и обладать самыми передовыми знаниями в выбранной им специальности. Отсюда такой тщательный отбор, да и конкурс заоблачный – в среднем, около двадцати пяти человек на место. Не знаю, как другим, а мне и брату повезло – безусловно, наша успеваемость ещё в Школе Далёких Перспектив была на высоте, но наше участие в подавлении Христианского Бунта в 1955-м и полученные при этом звания сыграли решающую роль в поступлении в это учебное заведение.

Шикарное, только что построенное здание Академии впечатляет. Снаружи оно напоминает диковинный космический корабль, прилетевший и расположившийся на красивой равнине, между несколькими аллеями деревьев. Внутренний интерьер под стать внешнему виду: большие окна, витиеватые перила лестниц, ведущих на другие этажи, пол

из пластиковой плитки с не изнашиваемым покрытием, куча новых светильников, гармонично выстраивающих световую насыщенность коридоров и помещений – что и говорить, Академия априори должна соответствовать своему статусу.

Каждый этаж, по сути – палуба космического корабля. И если первый – сугубо административный, то второй сейчас отдан приёмной комиссии, и галдёж абитуриентов, толпящихся перед каждым из кабинетов, сливается в низкочастотную какофонию, полностью заполнившую весь длинный коридор. А вот третий и последующие этажи аккуратно закрыты несколькими столами, недвусмысленно показывающими, что ход нам туда пока заказан.

Перед тестированием нужно зарегистрироваться в качестве абитуриента. Дождавшись своей очереди, вместе с группой других парней и девушек, захожу в просторный кабинет, расположенный примерно посередине коридора. Вереница абитуриентов рассыпается, подходя к столам с сотрудниками учебного заведения. Присаживаюсь к одному из столов. На меня смотрит спокойное лицо человека лет тридцати, облик и манера одеваться выдают в нём француза.

Моя пластиковая идентификационная карточка, лишь несколько секунд назад ушедшая в считыватель, отобразила все данные обо мне, в том числе и номер членства в КГБ – С-586. Первая тысяча, элита. Служащий Академии хмыкнул и удивлённо посмотрел на меня.

– Сергей Фёдорович! А вы не родственник Председателю

Верховного Совета и руководителю ГКР Асташёвым?

– Я бы хотел сохранить своё инкогнито здесь. Не люблю, знаете ли, пользоваться родительской славой.

– Я вас понял. Итак, вы состоите на службе КГБ, в звании лейтенанта, участвовали в подавлении...

– Прошу вас, тише. Мы с вами и так знаем мою родословную и действия на благо СФГ, но зачем выставлять это на всеобщее обозрение?

– Вы так скромны? Кстати, насколько я ознакомился с вашей анкетой, у вас ещё есть брат, не так ли?

– Совершенно верно. Мы оба, ещё со школы, предпочитаем не афишировать свои родственные связи с руководством СФГ.

– Ваш брат тоже решил поступать в Академию?

– Да, он сейчас стоит за дверью и ждёт своей очереди на собеседование.

– Насчёт вас обоих я позабочусь. По какой специальности вы желаете начать обучение у нас?

– Пилотирование летательных аппаратов.

– А ваш брат?

– Это у него нужно спрашивать. Насколько я знаю, он колебался с выбором.

– Понятно. Что ж... сейчас вы выйдете из кабинета и попросите его подойти именно ко мне, специалисту де Форжу.

– Означает ли всё вышесказанное вами, товарищ де Форж, что мы с братом приняты? А как же тестирование по пред-

метам?

– Идентификационная карта показала мне уровень вашей подготовки. Этого достаточно, поверьте. Если у вашего брата такие же показатели...

– Практически да.

– ... тогда я не вижу проблем. Люди, с детства приносящие весомую пользу государству, заслуживают самого лучшего образования. После собеседования со мной вы сразу спуститесь на первый этаж и найдёте комнату 119. Я сейчас перезвоню туда. Там вам поставят отметку о зачислении в Академию, и можете отдыхать до двадцать седьмого августа. В этот день вы с братом должны прибыть в аудиторию 217, где будет проходить собрание студентов первого курса. Всё понятно?

– Так точно. Спасибо за информацию.

Выхожу из кабинета и подмигиваю Артёму.

– Тёмка! Тебя там ждут, подойди к специалисту де Форжу.

– Что, так всё просто?

– Не совсем. Он объяснит.

Брат, по-дружески хлопнув меня по плечу, заходит в аудиторию, а я спускаюсь вниз и нахожу комнату 119. Около неё стоит несколько человек обоего пола, у большинства из которых на лице присутствует лёгкая испарина.

Тяжёл удел абитуриента – до сих пор не оклемались после экзаменов.

Передо мной девушка, судя по внешности скандинавско-

го происхождения. Пока вертится из стороны в сторону, успеваю её внимательнее разглядеть. Коса пшеничных волос до талии, голубоглазая, с длинными ресницами – прямо Елена Прекрасная из русских сказок. Одета она в новомодные обтягивающие брюки – джинсы, водолазку и туфли-лодочки на низком каблучке, над копной волос пристроились солнцезащитные очки. Хозяйка всей этой красоты не скрывает своего волнения: периодические «уф-ф-ф...» и «пф-ф-ф...» свидетельствуют о нервозности её состояния.

Видимо, несколько минут назад прошла беседа, после которой её и направили сюда для распределения в учебную группу.

Заходим в кабинет практически вместе. Два сотрудника методично берут из рук идентификационные карточки и, считывая информацию о личности будущего студента, добавляют дополнительную об Академии, заодно распределяя по группам. Настаёт моя очередь, и мы, вместе с очаровательной незнакомкой, входим в кабинет. Присаживаюсь на свободное место и подаю идентификационную карту.

– Сергей! Рады видеть вас в числе наших студентов. Ваш аттестат и послужной список просто превосходны. Хотите стать старостой группы?

– Сразу в руководство? Не думаю, что это хорошая идея: ещё в школе я был Председателем комсомольской организации. Два с половиной года.

– Тем более!

– Вы же понимаете, что я и брат здесь инкогнито...

– Да-да. Де Форж мне только что позвонил, – на меня внимательно смотрит человек колоритной испанской наружности. Он перехватывает мой косой взгляд на девушку и ухмыляется.

– Понравилась? – тихо вопрошает он. Киваю головой. – Хотите, она будет в вашей группе?

– А можно так сделать?

– Услуга за услугу. Мне нужно выбрать старосту, из проверенных или чем-то зарекомендовавших себя абитуриентов, а я вам помогу...

– Договорились.

Вторая сотрудница закончила изменять информацию на карте прекрасной незнакомки и удивлённо воззрилась на экран, когда на нём появилась какая-то надпись достаточно крупным шрифтом. Сотрудница внимательно прочитала её, набрала что-то на клавиатуре и отдала пластиковую карточку её владелице.

– Ингрид Олафссон! Вы зачислены в группу 1—04. Первое собрание состоится двадцать седьмого августа в 10—00, в аудитории 217. Прошу не опаздывать.

– Да-да, конечно... – торопливо соглашается девушка.

Я угадал, насчёт её скандинавских корней. Акцент у неё норманнский.

– Кстати, вот ваш староста группы, – улыбаясь, сотрудница указывает на меня рукой. – Думаю, что вы можете немно-

го пообщаться: всё-таки, вам вместе предстоит учиться.

Выходим из кабинета. Девушка, шедшая впереди, резко оборачивается, и я с трудом увернулся, чтобы не налететь на неё.

– Вы таким способом решили со мной познакомиться? – в её голубых глазах проскальзывают искорки недовольства.

– А что в этом плохого? Вы мне понравились, и я решил...

– Вы, наверное, сын очень важных персон, раз вам так идут навстречу.

А девушке не откажешь в наблюдательности и анализе информации.

– Просто мужская солидарность.

– И сотрудница тоже?

– Наверное, он старше её по должности. А как вас зовут?

– А вы не слышали?

– Мне бы хотелось услышать от вас.

– Ингрид, а вас?

– Сергей.

– А фамилия?

– Зачем вам моя фамилия? Вы же не замуж сейчас за меня выходите.

– Прямо так сразу и замуж? Быстрый вы, однако!

– Нет. Я сам не сторонник поспешных действий. Судя по вашему акценту, вы из Норманнского Протектората, я прав?

– Да. Мне удалось попасть в квоту для студентов. Просто

повезло.

– А я выиграл две подряд олимпиады по астрономии для школьников, после чего получил приглашение сюда.

– Вот даже как? А у меня с астрономией не очень. Теория хорошо, а практика... у нас даже в Осло¹ практически нет профессиональных телескопов, а чтобы они были в других уголках страны – это совсем из области фантастики. А кто ваши родители?

Последний вопрос застал меня врасплох. Для чего она интересуется?

– Папа в ГКРе работает, а мама... государственная служащая. А у вас?

– Отец, также как ваша мама, госслужащий, а мама... мама умерла, когда я была ещё маленькая...

– Извините.

– Ничего.

Проходящий мимо Артём исподтишка ткнул меня в бок и подмигнул.

– Ох! Я тебе в лоб сейчас дам!

– А она ничего! – захохотал брат и скрылся в 119-м.

– Это кто такой?

– Брат мой. Понравился?

– Вы близнецы?

– Двойняшки. Ингрид, а для чего вы спросили про моих родителей?

¹ В том мире – столица Норманнского Протектората

– М-м-м... просто так.

Нет, она что-то скрывает, надо будет дома посмотреть её дело в маминной Базе Данных КГБ.

Воспользовавшись заминкой в разговоре, Ингрид деловито поправляет волосы и, прощаясь, уходит. Через несколько минут появляется Тёмка.

– А где прекрасная незнакомка?

– Ушла.

– Ты как, собрался продолжить начатое знакомство?

– Даже не думай перебивать его мне! Понял?

– Хорошо-хорошо, я не лезу.

* * *

23 июня 1959 года. Подмосковье. Загородная дача Асташёвых. 20 часов 00 минут

Пока Тёмка балдеет под дискофон², пробираюсь в комнату мамы и включаю её МВМ³. После загрузки системной оболочки⁴, захожу в глобальную сеть. Набираю в путеводителе адрес главной страницы КГБ. На экране появляется привычный моему глазу герб в виде меча с крыльями и щитом.

Внутренний программный модуль проверяет мой ИАК⁵

² Аналог CD-проигрывателя в наше время

³ Мини Вычислительная Машина, аналог ноутбука в нашем времени

⁴ Аналог нашей операционной системы

⁵ Информационный адрес компьютера. То же, что и IP-адрес в нашем мире.

и соединяет по защищённому туннелю ВОС⁶ с информационной базой КГБ. Меня запрашивают пароль доступа.

Спасибо, мама, твой пароль мне всегда помогает!

Выбираю раздел сведений по гражданам СФГ, ввожу данные понравившейся мне девушки и тихонько присвистываю глядя на экран:

«Фамилия: Олафссон.

Имя: Ингрид.

Год рождения: 27 августа 1942 года.

Гражданство: подданная Норманнского Протектората.

Родители:

отец – Бьёрн Олафссон, Глава Норманнского Протектората.

мать – умерла в 1944 г. от воспаления лёгких.

Братья и сёстры: – нет.

Семейное положение: не замужем.

Пристрастия: техника, на уровне авто/мото; астрономия, музыка, цветы (лилии белого цвета).

Характер: сангвиник с прослеживаемым добавлением холеричности. Не склонна к агрессии...»

Та-а-ак, остальное пока не интересно. Значит, девушка у нас из элитной семьи... так-так-так... не хочет завязывать знакомство с молодым человеком на основе своего по-

⁶ Виртуальная обособленная сеть, аналог VPN

ложения и так же, как и я, стремится сохранить инкогнито. Что ж, поддержу игру, но преподнесу сюрприз. Как раз двадцать седьмого у неё День Рождения, вот и подарю ей цветы.

Пискнул персональный телефон.

– Небось, в Базе сидишь? Закругляйся, мама приехала, – заговорщицким тоном информирует меня брат.

Аккуратно выхожу из базы и выключаю МВМ.

А вот и мама. Чёрт! Не успел всего пару минут.

– Даже не пытайся мне сказать, что твоя МВМ в ремонте.

– Нет, мам. Тебе Артём уже рассказал, что нас приняли в Академию?

– Зачем? Я пару часов назад просматривала списки студентов. Элементарно, Ватсон. Один предпочёл пилотирование, другой будет штурманом, но ты не ответил на мой вопрос.

– Для начала поздравь меня: я назначен старостой группы...

– Ты мне зубы не заговаривай. Для чего ты пользовался Базой КГБ? Я отследила тебя ещё перед самым выездом домой.

– Мам, мне девушка понравилась. Решил пробить её данные по Базе.

– А почему такой ажиотаж вокруг её данных?

– Она из Норманнского Протектората.

– Хм, а наши девчонки чем хуже? Почему тебя потянуло

на что-то экзотическое?

– Мам! Вот понравилась и всё.

– И ты решил проверить её благонадёжность?

– Таков удел всех сотрудников КГБ... – я картинно вздыхаю.

– Ладно, сотрудник, сделаю тебе отдельный вход, но... не увлекайся. Давай в гостиную, есть кое-какая информация.

– Что-нибудь серьёзное?

– Ну, это как сказать.

В гостиной уже много народа. Приехала даже Настя с мужем. Мы выходим с мамой, и она сразу сообщает всем сногшибательную новость.

– Итак. Вчера я ознакомилась с последними разработками академика Шатрова.

– Мам, это тот, который генетикой занимается? – спрашивает Настя.

– Да, дочь. Мне предложили пройти процедуру генетической коррекции организма. Так что чуть-чуть помолодею, – мама улыбнулась.

– Да ты у нас и так ого-го! – Тёмка показал большой палец.

– Спасибо, сын. Теперь к делу. Нас с папой не будет около месяца, поэтому вся ответственность за порядок на даче возлагается на вас, мальчики, а за квартирой присмотрит Настя. Возражений нет?

27 августа 1959 года. Подмосковье. Академия далёких Перспектив. 9 часов 50 минут

За прошедший срок главной новостью для нас стал новый облик наших родителей. Сначала мама предстала в образе тридцатипятилетней особы спортивного телосложения, да и папа не только избавился от очков, но и заметно помолодел. Я помню тот вечер, когда мамуля приехала на дачу, и мы увидели её в первый раз после клиники. Тёмка сразу присвистнул и показал большой палец.

– Мам, ты вообще... слов нет.

– Факт, мам, ты теперь такая сногшибательная девушка, – поддерживаю брата.

– Ну, уж и девушка... – улыбнулась она.

– Мы это тебе говорим не как сыновья, а молодые люди.

На вид даже не тридцать пять, а, скажем, двадцать семь-восемь, не старше.

– Спасибо, мальчики! Ваше мнение для меня очень важно. А почему про папу молчите?

– Так это папа, а я думал, что новый телохранитель, – острит мой брат.

– Я тебе сейчас дам – «новый телохранитель»! – хохочет отец. – Меня на эту должность ещё Берия назначал и пока никто не снимал!

Чуть позже приехала сестра.

– Мамуля! Какая ты!! – Настёна, словно порыв ветра, во-
рвалась в зал и повисла на шее у матери. – Просто класс! Ты
со мною сравнялась! А биологически сколько?

– Тридцать пять. Тридцать пять лет... навсегда. Даже
и не знаю, как будет воспринят мой новый возраст в прави-
тельстве. Председатель Верховного Совета СФГ и такая мо-
лоденькая...

– Мам, не кипишуй – ты произведёшь форменный фу-
рор, – с гримасой знатока ответил ей мой брат. – После это-
го весь Совет отправится к медикам по проторённой тобой
дорожке. Факт.

Из кухни возвращается Фёдор.

– Ого! Пап! Ты тоже стал таким...

– Каким, дочь?

– Ну, как мой Андрей – кровь с молоком, как говорили
на Руси! – смеётся она.

Вообще, папа преобразился и стал респектабельнее,
что ли. Возможно, я преувеличиваю, но в отношениях на-
ших родителей появилась какая-то новизна. Они стали ча-
ще перезваниваться, больше проводить времени вместе. Как
шутит на эту тему мой брат – медовый месяц-2, со всеми
вытекающими.

Вот и подошло время учёбы. Ещё вчера съездил в Москву и купил три белые лилии. Мама проводила меня усмехающимся взглядом до террасы, куда я поставил вазу с цветами.

– Можно подумать, ты собрался делать предложение.

– Нет, мам, просто у неё сегодня День Рождения.

– Вот как? И ты решил сделать девушке приятный сюрприз? Что ж, тогда это многое объясняет.

К Академии мы добрались вовремя. Несу цветы под удивлённые и восхищённые взгляды девушек. Некоторые из них показывают пальцами на меня своим подружкам, да и огонёк зависти в глазах ничем не затушишь. Вот и аудитория 217. Артём открывает дверь и пропускает меня первым. Внутри пара десятков столов, за которыми уже собрались человек тридцать. Парней и девчонок примерно поровну. Такие же удивлённые взгляды мужской половины группы и ошарашенные глаза у девушек. Кому-то сейчас повезёт.

– Здравствуйте, товарищи! – приветствую я всех. – Я староста группы и случайно узнал, что у одной из наших студенток сегодня День Рождения. Ингрид Олафссон! Поздравляю вас и желаю всего самого хорошего!

На меня с благоговейным ужасом смотрят голубые глаза виновницы этого торжества. На её лице читается шок, удивление и одновременно такая гордость, что ни передать сло-

вами. Пожимаю руку, с некоторой долей официоза, и передаю цветы. Щёки девушки постепенно краснеют.

– Спасибо большое... Сергей... мне давно никто не дарил цветы... а как вы узнали?

– Мне доступны анкеты всей группы.

– Да, генацвале, использовал хороший повод познакомиться с девушкой поближе! – одобрительно подмигивает мне парень кавказской наружности.

В группе одобрительно захлопали. Ставшая совершенно пунцовой, Ингрид села на своё место, аккуратно придерживая подаренный букет. Минутой позже в аудиторию заходит дама лет сорока, в строгом деловом брючном костюме серого цвета и очках. Придирчиво оглядев всех, она остановила внимание на Ингрид с букетом.

– Здравствуйте! Меня зовут Ханна Гроссберг. Я – куратор вашей группы. А цветы мне?

Возникло неловкое молчание. Олафссон уже было подалась вперёд, чтобы отдать лилии куратору, но я резко встаю и пресекаю повод отжать подарок у именинницы.

– Здравствуйте. Я – староста группы, Сергей Асташёв. У Ингрид Олафссон сегодня День Рождения, поэтому цветы ей, от всех нас, – немка недовольно кивает, но больше не делает попыток экспроприировать букет в свою пользу.

– Корошо. Будем считать, что наш староста группы начать свою работа зер гут. Теперь я буду называть каждого и тот должен встать. Всем понятно?

Минут двадцать мы потратили на знакомство немки со всеми нами, причём она начала с конца списка. Когда очередь дошла до моего брата, куратор резко сбавила темп, с каким называла фамилии, будто боялась ошибиться с ударением и без ошибок произнесла её.

– Как я понимаю, вы со старостой группы братья, так?

– Совершенно верно, товарищ Гроссберг, двойняшки.

– Зер гут. Теперь о вашем расписании. На первом курсе у вас будет восемь основных дисциплин и несколько вспомогательных, который будут преподавать самые квалифицированный специалист. Академия произвела набор впервые, вы наши первые ученики и потому мы все будем учиться друг у друга: одни постигайт предметы, другие – правильно преподавать. Сегодня занятий нет, только знакомство. Первого сентября – день начала учебный процесс и у вас будут три пара: рукопашный бой, математика и химия. С полным расписанием можно ознакомиться в фойе на первом этаже. Аллес. Теперь мне бы хотелось, чтобы вы каждый встал и коротко рассказал о себе.

По мере повествования своей биографии моих сотоварищей по группе, их география проживания и навыки были просто впечатляющими: практически все республики и автономные области СФГ, каждый из них был направлен за успехи в стенах школы в том или ином направлении науки и техники.

Когда стала рассказывать о себе Ингрид, я усмехнулся

и решил послушать, что из известной мне информации будет открыто для всеобщего обозрения, но она коснулась лишь общих навыков и умолчала о своём происхождении. Наше с братом повествование ничем не отличалось от остальных. Естественно, мы умолчали о званиях лейтенантов КГБ, что не могло не остаться без внимания нашего куратора.

Немка, безусловно, изучила анкеты всей группы, а идентификационные карты, с которых они формировались, могут рассказать о каждом многое.

Она лишь усмехнулась, но задавать дополнительные вопросы не стала.

Когда куратор попрощалась с нами и вышла из аудитории, мы какое-то время продолжали знакомиться между собой, ведя оживлённую беседу. Парни быстро нашли общие темы, а вот девушки были зажаты и отвечали односложными фразами, изредка позволяя себе какие-то подробности. Наконец, мы гурьбой покинули аудиторию и устремились на первый этаж, чтобы переписать расписание занятий. Несмотря на сутолоку возле стенда с расписаниями для групп, нам довольно быстро удалось списать его.

– Скажите, Сергей, а не могли бы вы сделать и мне копию расписания? – обратилась ко мне стоящая рядом Ингрид. – Из-за вашего подарка у меня руки заняты.

– Без проблем, – я быстро набросал на листе список занятий на предстоящую неделю. – Вот, держите.

– Спасибо.

– Ингрид, а может, перейдём на «ты»?

– Вы сейчас предлагаете мне как молодой человек, которому я понравилась или староста группы? – в её глазах читалось неподдельное любопытство.

Ценю чувство юмора, особенно у девушек.

– А староста группы не может быть молодым человеком, которому понравилась девушка? – парирую я ей.

– Что вы! Конечно, может! – засмеялась она.

– Тогда вы сами ответили на свой вопрос.

– Мне, право, неловко... мы знакомы всего ничего, а вы так напираете на меня...

– Ну что ж, Ингрид, не смею надоедать вам... – подхватываю за руку стоящего рядом брата, и мы попадаем в поток студентов, выходящих из Академии.

– Чего ты к ней привязался, Серёга? – спросил Артём, когда мы сели в машину. – Ну, не идёт она на контакт – и ладно, найдём тебе другую. Глянь вокруг: сколько красивых девчонок!

– Чёрт возьми, Тёма! Ну, вот нравится она мне, понимаешь? Ничего не могу с собой поделать!

– У-у-у, да ты влюбился, братишка, – он отвернул зеркало заднего вида в мою сторону. – Полюбуйся на свою физиономию...

– Извини, но это моё дело.

– Да кто спорит, но зачем так страдать?

– Тёма! Извини, но поступать, как ты, я не привык.

– Если бы Кармен тогда не погибла, возможно, я тоже не волочился бы за каждой понравившейся мне юбкой. Понимаешь, я всех девушек сравниваю именно с ней. Ничего не могу с собой поделать.

– Вот! А представь, что Ингрид для меня, как Кармен для тебя. Я как увидел её – всё, другие девушки сразу ушли на второй план и стали обычными сокурсницами.

– О, как! Ладно, чем смогу – помогу брату завоевать расположение Ингрид.

– Только тогда, когда я тебе об этом попрошу.

– Почему?

– Потому что она и так относится к нам обоим с недоверием – мы же двойняшки.

– А что это меняет?

– То, что неизвестно, как ей придётся поступать, когда знаки внимания будут оказывать оба схожих по облику молодых человека. Ладно, поехали...

Глава 2

1 сентября 1959 года. Подмосковье. Академия Далёких Перспектив. 9 часов 50 минут

Утреннее занятие физподготовкой дома мы с братом решили пропустить: в Академии наверстаем. На первую пару попадаем вовремя. Переодеться в спортивный костюм было недолго, и вот уже вместе с группой стоим в спортивном зале. Навстречу нам выходит седовласый японец чуть пониже каждого из нас. Его сопровождает помощник. Как оказалось – переводчик, так как сэнсэй просто не знает русского.

– Здравствуйте. С сегодняшнего дня вы все будете изучать приёмы различных школ единоборств, призванных защитить вас в экстремальных ситуациях, – спокойный голос переводчика струится, словно ручей. – Кто-нибудь из вас владеет какой-либо школой боевых искусств? Если это так, прошу выйти вперёд.

Переглядываемся с братом и выходим. Сэнсэй изучающее посмотрел на нас и, повернувшись ко мне, скомандовал на японском:

– Нападай!

Сначала приветствую его по-японски и сразу после этого делаю ложный замах. От него мгновенно, в противоход, следует попытка подсечки опорной ноги, но я начеку и блокирую контратаку. Удивлённый и одновременно удовлетво-

рительный взгляд сэнсэя, и вот он уже сам пошёл в атаку. Несколько быстрых движений, стремящихся посеять панику и сбить соперника с толку, не приносит ему сколь явного преимущества. Далее бой проходит в позиционных передвижениях.

Решил усыпить мою бдительность? Ну-ну, мама не для того старалась нам всё объяснить и показать, чтобы кто-то так вот сразу снёс меня с татами.

Видимо, сэнсэю надоела вся эта возня, и внезапно следует резкий, словно порыв ветра, выпад. Я с трудом увернулся от тычка в шею.

Искусство точечной блокировки соперника?! Серьёзно?! Ну, тогда и я могу его показать!

Змейкой выворачиваю шею вбок и, пропуская руку противника, делаю фиксированную защиту, одновременно сам атакуя в шею. Сэнсея погубила самоуверенность. Он вряд думал, что среди студентов есть кто-то, кто будет знать боевое искусство не хуже него. Японец останавливается, замирает и тихо сползает на татами. Вся группа изумлённо смотрит на результат поединка, поочередно переводя взгляд с преподавателя на меня. «Размыкаю» сэнсэя, и он встаёт, удовлетворённо глядя на меня.

– Мастер Акиро Куроями впервые видит такого молодого бойца, владеющего секретами японских самураев. Представьтесь, пожалуйста, – просит переводчик.

– Сергей Асташёв.

Японец долго и взволнованно говорит и, наконец, его слова переводят:

– Мастер говорит, что вам разрешён свободный доступ на занятия. Можете поддерживать свою форму и, возможно, помочь кому-то овладеть обычной техникой рукопашного боя.

– Домо аригато⁷ – благодарю его, кивнув и приложив правую ладонь к груди.

– Ещё он хочет задать два личных вопроса.

– Не возражаю.

– С какого возраста вы начали обучение, и не является ли обладательница Ордена Священного Сокровища вашей родственницей?

– С шести лет и да, она наша с братом мама.

– В таком случае проводить бой с вашим братом нет смысла.

Остальная группа сгрудилась вокруг мастера и внимательно слушает первые уроки по технике единоборств. Мы же с Артёмом решили провести небольшой тренировочный бой, правда без полного контакта. Сэнсэй отвлёкся от лекции и указал на нас остальным.

– Сэнсэй говорит, что вы должны стремиться к такому совершенству, – переводчик обратил внимание окружающих его студентов на нашу тренировку. – Посмотрите на их движения: точные, выверенные.

⁷ Большое спасибо (япон.)

– Мастер! А сколько нужно обучаться, чтобы достичь этого уровня? – задаёт кто-то вопрос.

– Долго, но вам это необязательно. В Академии вы должны научиться нейтрализовать обычного противника. Специальная углубленная подготовка вам не нужна – для этого есть военные подразделения.

– Вах, мастер! А можно ли позаниматься с нашим старостой? – парень-грузин не скрывал своего восхищения нашими познаниями в рукопашном бое.

– Я сейчас поговорю с ним. Сергей! – окликает меня переводчик. Подхожу к общей группе.

– Некоторые ваши сокурсники изъявили желание почерпнуть знания по рукопашному бою из вашей школы. Не могли бы вы взять к себе в обучение нескольких?

– Если уважаемый сэнсэй не будет против...

– Нет, с удовольствием поделюсь с вами учениками, – быстро говорит по-японски мастер. – Выбирайте, кого желаете.

– Будет лучше, если они сами выберут меня. Прошу подойти ко мне желающих. Пол не имеет значения.

Так. Четверо парней и две девушки. А Ингрид мнётся, стоя в сторонке. Попробую пригласить её сам.

– Ингрид, а ты?

– Боюсь показаться назойливой...

– Ничего страшного. Я не кусаюсь.

– Девушка, без вашего присутствия он и нам может отка-

зять! – смеётся грузин.

– Выходит, я какая-то особенная?! – вспыхивает Олафсон.

– Просто вы ему нравитесь, – успокаивает её кавказец.

– Хорошо, я согласна...

– Замечательно. Ребята! Давайте-ка познакомимся поближе. Меня зовут...

– ...Сергей. Это мы уже знаем, – перехватывает инициативу грузин.

– Тогда представьтесь вы, – улыбаюсь в ответ.

– Давид Габуния, – протягивает руку инициативный кавказец.

– Фарид Урсу-Заде, – подходит загорелый узбек.

– Франсуа Лавелье, Курт Шреер, Юкки Тугоши, Радмила Бабич, – следуют преставления остальных.

– Рад знакомству, – коротко жму руку каждому из наших с братом будущих учеников. – Заниматься будем по комплексной методике: сначала общеукрепляющие упражнения, потом приёмы рукопашного боя. Занятия будем проводить мы оба – Артём не хуже меня понимает в единоборствах.

– А зачёты сдавать вам обоим? – интересуется Юкки.

– Сейчас узнаю, – с этими словами подхожу к Акиро Куроями, выясняю этот нюанс и возвращаюсь обратно. – Мастер сказал, что принимать будет сам, но никаких придиорок не будет.

– А если кому-то что-то будет непонятно? – внимательно смотрит на меня Давид.

– Я не кусаюсь. Появятся вопросы – отвечу или покажу.

– А откуда такие познания в единоборствах? – не отстаёт с расспросами Габуня.

– Отец научил. Он бывший командир осназа.

* * *

10 ноября 1959 года. Подмосковье. Академия Далёких Перспектив. Полдень

За это время много воды утекло. Вся группа 1—04 поделилась на несколько подгрупп по интересам и взаимным симпатиям. Основанная на занятиях по единоборствам, наша маленькая подгруппа сразу стала держаться немного обособленно. Даже образовались две пары: Радмила прониклась симпатией к весельчаку и балагуру Давиду Габуня, а Юкки воспылала чувствами к франту и знатоку старины – Франсуа Лавелье. Как шутит мой брат – у нас полный комплект на межпланетный корабль «Первопроходец», который в ближайшем будущем собираются послать на Марс. Судите сами: мы с Ингрид пилоты, Артём – штурман, Юкки осваивает профессию врача, Фарид постигает тонкости суперкарга, Курт – наш штатный электронщик, Франсуа – по силовым и двигательным установкам, а по совместительству историк и любитель паранормальных явлений, Давид и Радми-

ла – бортинженеры. Как-то сразу выяснилось, что каждый из нас готов помочь остальным в освоении смежных учебных дисциплин, к которым он благоволит. Это ещё больше сплотило нашу группу, и в результате у нас в компании образовался тёплый дружеский микроклимат – радости и невзгоды делим на всех.

Сегодня 10 ноября – официальный День Молодёжи в СФГ, а у нас в Академии двойной праздник: ещё и День посвящения в студенты. Каждую из восьми учебных групп обязали участвовать в смотре художественной самодеятельности. Узнав, что я неплохо бренчу на гитаре, парни и девчонки стали уговаривать меня выступить на смотре от нашей группы. Я согласился помочь коллективу. Из имеющегося репертуара меня ничего не заинтересовало, пришлось вечером просить маму поделиться «плагиатом» из её бывшего времени. Кое-что прибрала к рукам моя сестричка, как глава Комитета Молодёжи, но интересный материал там, безусловно, остался. Анастасия Олеговна немного поворчала, но помогла подыскать репертуар.

– Серёжа! Каким образом будет проходить смотр художественной самодеятельности?

– Мам! Там четыре этапа: военная тематика, профессия, про дружбу и, конечно же, любовь. Я бы хотел выступить с чем-то необычным.

– А тебе хочется занять первое место просто так или окончательно завоевать сердце твоей пассии?

– И то и другое, мам. Ну, как ты не понимаешь... нравится мне Ингрид...

– И всё? Просто нравится?

– Мам, ну, хватит, а!

– Ладно, пылкий влюблённый, помогу тебе окончательно завоевать сердце девушки. Запускай МВМ из моего сейфа, а я пока сделаю пару звонков по работе.

МВМ из будущего встретила меня совершенно другой системой загрузки. Довольно быстро сориентировавшись и, выбрав нужный значок на рабочем столе системной оболочки, я зашёл в музыкальную тематику Базы Знаний.

Спустя пару минут мама вернулась и после часового обсуждения, в котором, кстати, принимал участие и Артём, мы выбрали четыре песни: «Звезда по имени Солнце» от автора и исполнителя В. Цоя, «Там за туманами» группы Любэ, «Музыка нас связала» от группы Мираж и солянку из двух русских вариантов популярной песни немецкой группы Модерн Токинг.

Если до этого Артём лишь следил а нашим обсуждением репертуара, но когда мы начали спорить, какой из вариантов взять, он неожиданно влез в разговор.

– Мне не нравится ни первый, ни второй.

– Почему? – удивляюсь я.

– По смыслу текстов. В обоих вариантах есть свои плюсы и минусы.

– И что ты предлагаешь?

– Взять все плюсы и выкинуть минусы.

– Это каким же образом? – даже мама не поняла его.

– Очень просто. Возьмите первый куплет от второго варианта и добавьте припев и последние два куплета от первого.

– Знаешь, а он прав, – после некоторого обдумывания слов Артёма, говорит мама. – Наверное, это будет самый лучший вариант.

– Тогда я копирую все тексты песен на свой МВМ и удаляю их разучивать.

– Только часть музыки из выбранного тобой репертуара придётся воспроизводить, как есть, – предупредила мама. – Гитарой тут не обойдёшься, иначе весь эффект будет смазан.

– Но приглашать кого-то – значит, раскрыть карты перед конкурентами! – возразил я ей.

– Не обязательно приглашать, – не согласилась со мной мама. – Возьми минусовки из Базы Знаний, перенеси на свою МВМ и подключи к аппаратуре на конкурсе.

– Мамуля! Ты – гениальна! – воскликнул я, целуя её в щёку. – Ну, теперь она не устоит!

– Ладно-ладно, пылкий влюблённый, чего ради родного ребёнка не сделаешь.

* * *

И вот мы собрались на празднике. По жребию я был вторым. Передо мной выступала девушка с песней о хлеборо-

бах. Жюри оценивала нас по десятибалльной шкале и ей выставили шесть баллов.

Теперь мой черёд. Выхожу на сцену, подбадриваемый возгласами поддержки от нашей группы. Стиль исполнения песни Виктора Цоя я сохранил, и потому её необычность заставила зал затаить дыхание. Даже выключили свет, оставив лишь пару прожекторов, обращённых к участнику на сцене. К середине второго куплета, как и было задумано нами, вся наша группа зажгла свечи и фонарики. В полумраке зала это смотрелось вообще шикарно. С последними аккордами зал взорвался аплодисментами. Жюри минут пять совещалось, после чего мне выставили максимальную оценку. Наша группа взревела от гордости за своего участника. Так вышло, что первое место осталось за мной. Остальные конкурсанты получили оценки от трёх до восьми баллов.

Второй тур не принёс кардинальных изменений в таблицу мест участников. После моей песни «Там за туманами» многие зрители откровенно сопереживали гипотетическим героям этого музыкального произведения. Как итог – снова десять баллов и прочное лидерство в общем зачёте.

На третьем этапе я попросил подключить заранее приготовленную МВМ к усилителю воспроизведения и... началось! То, что творилось в зале – не передать словами! Публика восторженно свистела и пыталась подпевать припев этой песни. Здесь уже не было никакой конкуренции, только всеобщее одобрение. К этому времени я уже достаточно осво-

ился на сцене и мог позволить себе двигаться по ней, как настоящий певец. И снова мне дали максимальную оценку. После обнародования суммарного количества очков по итогам третьего конкурса, выяснилось, что меня уже не догнать никому, если только я не получу меньше двух баллов.

И вот, наконец, подошло время последнего четвёртого тура. Волнуюсь, как десятилетний мальчишка. Перед началом пения объявляю, что эта песня посвящена той девушке, которая мне не безразлична. Опять помощь мне оказывает моя МВМ: из динамиков на сцене полилась замечательная музыка во вступлении, и я начал петь. Я вложил в это произведение все свои чувства:

Сердце стучит неустанно от любви,
Что же сошёл я так рано с колеи,
Той, что прямой и спокойной,
Не извиистой, простой,
Что ведёт по жизни холостой.

Две души, два огня
Я помнил это, где бы ни был я
Две души, два огня
Все чем только может сердце хоть на миг согреться
Две души, два огня
Грели ночью и при свете дня
Две души, два огня
Будь со мной, не оставляй меня

Если в глаза ты посмотришь мне сейчас
Значит, поймешь все, как будто в первый раз
Я шел к тебе так долго, и признаться не легко
Что я прятал в сердце глубоко

Две души, два огня
Я помнил это, где бы ни был я
Две души, два огня
Все чем только может сердце хоть на миг согреться
Две души, два огня
Грели ночью и при свете дня
Две души, два огня
Будь со мной, не оставляй меня

Только поверь, что тебя я не забыл
Знаю не прав, что так долго не звонил
Объяснить все просто, только правды нет в словах
Я растаю на твоих губах

Две души, два огня
Я помнил это, где бы ни был я
Две души, два огня
Все чем только может сердце хоть на миг согреться
Две души, два огня
Грели ночью и при свете дня
Две души, два огня
Будь со мной, не оставляй меня

Это был форменный шок, фурор или эйфория – называй-

те, как хотите. Многие студенты, ставшие уже парами за тот промежуток времени, который мы учимся в Академии, обнявшись, раскачивались в такт музыке. Наша группа вновь зажгла свечи и фонарики, их поддержали другие, заставив вспыхнуть многочисленными огоньками всё пространство зала. После окончания песни зал разразился многоголосым эхом, требовавшим повторения песни на «бис». Я заметил, как Радмила что-то горячо говорила Ингрид и немного подтолкнула последнюю к сцене. Ставшая почти пунцовой, Олафссон взошла на неё и несмелыми шагами подошла ко мне. Публика взревела и захлопала. Я взял девушку за руку.

– По итогам всех этапов конкурса первое место занимает группа 1—04, с исполнителем Сергеем Асташёвым. Поздравляю! – председатель жюри передаёт мне фарфоровую статуэтку в виде певца исполняющего песню с микрофоном в руке. – А теперь, по многочисленным просьбам, Сергей исполнит свою последнюю песню на «бис».

Я достал приготовленную заранее распечатку песни и протянул её девушке. Мы немного посоветовались с Ингрид и разделили часть слов в куплетах пополам, а припев решили петь вместе. Этот вариант исполнения понравился залу ещё больше.

Во время исполнения Ингрид немного «оттаяла» – даже по взгляду было видно, что слова песни задели её за живое. Пела она с чувством и уже не была той, которой безразличны мои ухаживания.

Феерия праздника песни длилась ещё долго и удалась на славу. После конкурса руководство Академии разрешило танцы. Они сопровождались не только музыкальными композициями из МВМ нашего учебного заведения но и выступлениями кого-то из студентов, в том числе и меня – я снова исполнил на «бис» сначала «Там за туманами» и чуть позже «Музыка нас связала».

Танцы продолжались до полуночи, и мы с Ингрид почти не покидали танцевальной площадки. Во время медленных танцев у меня появлялось непреодолимое желание поцеловать свою избранницу, но я понимал, что любая попытка форсировать события приведёт к обратному эффекту.

Ну, что ж, доверие приходит не сразу.

* * *

22 июня 1960 года. Подмосковье. Академия Далёких Перспектив. Полдень

Вовсю готовились к сдаче экзаменов за первый курс. Аудитория, закреплённая за группой 1—04, негласно стала штаб-квартирой нашего маленького коллектива. Пройдя бок о бок весь учебный год и помогая друг другу справиться с волнениями и трудностями первого семестра ещё зимой, мы обрели уверенность в своих силах и полное взаимопонимание между собой. Каждый из нас, в силу выбранной им специальности, не только изучал предмет из учебников – ис-

пользуя возможности Государственной Сети, его познания в этой области пополнялись дополнительной информацией.

Иногда студенты, не согласные в с мнением преподавателя, имели возможность подискутировать, отстаивая свою точку зрения. Кстати, это поощрялось, причём даже дополнительными оценками в журнале.

Ну а мы извлекали из этого дополнительные плюсы для нашего коллектива – такие обширные познания, в том или ином предмете, позволили нам дополнительно натаскивать товарищей, кому эти дисциплины давались с трудом.

Взаимоотношения в подгруппе прошли проверку временем и по-настоящему закрепились: французско-японский и грузинско-сербский дуэты прочно стали парами, перейдя из конфетно-букетного на более серьёзный уровень, а мы с Ингрид основательно застряли в первом. Попытки с моей стороны перевести отношения на другую стезю встречали некое невидимое сопротивление у моей девушки, временами даже нервозное, отчего я впадал в уныние. Однажды, во время очередного «сеанса выяснения отношений» Олафссон попросила её не торопить, сославшись на её семейное воспитание. И потому я «дал задний ход», оставшись просто другом, хотя и не обделённым мелкими знаками внимания.

Артём постоянно лавировал между штудированием конспектов и очередной интрижкой с какой-нибудь студенткой, но недавний разговор с нашей мамой внёс затишье, на время экзаменов, в его бурную любовную деятельность.

Экзамены. Сегодня последний из них. С честью пройдя первые, мы потеряли достаточно много сил и только собрав волю в кулак, рванули к финишной прямой. Примерно к десяти утра «отстрелялись» почти все из нашего маленького коллектива, за исключением меня и Давида. У всех сдавших только «хорошо» или «отлично». Наконец, из оставшихся в списке вызывают меня, а следом входит Габуня. Если с утра и было волнение, то сейчас оно просто улетучилось. Наверное, просто устал волноваться. Билет достался из середнячков. Примерно через сорок минут, потные и счастливые мы в обнимку выходим из аудитории. Всё! До свидания первый курс и здравствуй второй!

Пару часов спустя, решив организационные вопросы с деканатом, мы, переполненные эмоциями, на общественном транспорте направляемся в сторону кафе «Дельфин», расположенным на одной из окраин Москвы. Ещё зимой, после первой сессии, мы обнаружили этот тихий уютный уголок в одном из пригородов столицы и стали его завсегдатаями. Теперь же заранее заказанные столики ждут нас для празднования студенческого триумфа – успешного окончания курса.

– Кто куда собрался на каникулах? – интересуется Артём, после обильного этапа чествования торжества.

– А что, есть предложения? – в свою очередь игриво интересуется раскрасневшаяся Юкки, сидя в обнимку с Франсуа.

– А давайте махнём ко мне в Грузию? – предлагает Давид

и со всей кавказской горячностью начинает хвалить родные пенаты. – Там такие места! Горы, море, а какие у нас пейзажи! Эх, генацвале! Кто в Грузии не был – тот много потерял!

– Можно, конечно, попробовать, но это нужно заказывать номера в гостинице, бронировать билеты на поезд или самолёт... – начал загибать пальцы Фарид.

– Э-э-э, кацо! Какая гостиница, а? У меня родители живут недалеко от Батуми. Есть такой населённый пункт – Махинджаури, может, слышали? А бабушка живёт в Боржоми. Побываем и там, и там. Искупаемся в море, а как у нас готовят на углях мясо – мцвади... м-м-м... а у бабушки такой сад, сколько фруктов... да что говорить – там столько всего!

– Ну, если так всё просто, то почему нет? – взглядом вопрошаю всю нашу группу. По лицам видно, что никто не возражает.

* * *

24 июня 1960 года. Аэропорт Тбилиси. 21 час 45 минут

Относительно быстрые сборы в дорогу, вкупе с обещанием родственникам, что мы обязательно позвоним, когда доберемся, и в придачу негласная помощь с билетами нашей с Артёмом мамы позволили нам отправиться в это путешествие уже через сутки после праздника в кафе. И вот мы стоим в зале ожидания аэровокзала Тбилиси, с тревогой взирая

на отсутствие общественного транспорта. Ни такси, ни автобусов нет – пустующая дорога к аэропорту красноречиво говорит об этом факте. Всех прибывших на этом вечернем рейсе разобрали остатки такси и встречавшие их лица, остались лишь мы.

Габуния чешет затылок и уныло вопрошает безмолвным взглядом всю нашу группу.

– Что-то случилось, Давид? – интересуюсь у него.

– Вах, как же я об этом не подумал...

– О чём?

– Если следующий автобус подойдёт через полчаса, то в гостинице может не быть мест – не мы одни собрались на курорт. А нам утром нужно попасть на автовокзал, чтобы оттуда отправиться в Батуми.

Достаю персональничек⁸ и отхожу в сторону. Открываю справочник телефона и выбираю накануне данный мне мамой номер дяди Якова – Джугашвили.

– Алло. Добрый вечер! – стараюсь говорить как можно тише. – Яков Иосифович! Это Сергей Асташёв.

– А-а-а, Серёжа! Здравствуй, дорогой! А почему так официально?

– Так сложились обстоятельства. Я здесь не один. Со мной группа однокурсников.

– Всё равно я очень рад тебя слышать! Давно не общался с вами. Как там моя сестра, Фёдор, как Настя с семьёй и вы

⁸ Аналог нашего мобильного телефона.

с братом?

– Да всё нормально, спасибо.

– Что-то случилось? Рассказывай!

– Нет-нет, ничего не случилось, просто мы группой решили отдохнуть в Грузии и только что с самолёта. Находимся в аэропорту, но транспорта нет, да и с гостиницей возможны проблемы, а нам ещё в Батуми попасть нужно.

– Вах! Вас сколько человек?

– Девять. Нам бы хоть до гостиницы какой добраться, где места есть. Ночь переждём, а с утра...

– Какая гостиница, дорогой, о чём ты?! Я сейчас автобус за вами вышлю. Ждите у входа, никуда не уходите!

– Да, я понял, Яков Иосифович, спасибо большое!

В приподнятом настроении подхожу к своим друзьям.

– Ну, как будем выкручиваться из создавшейся ситуации? – вопрошает меня Артём.

– Простите меня, пожалуйста, это моя ошибка! – виновато оправдывается Габуня.

– Спокойно, Давид! Сейчас звонил отцу, он обещал помочь с проблемой, – незаметно подмигиваю брату и добавляю шёпотом, обращаясь к нему. – Звонил дяде Якову, тот сейчас пришлёт автобус.

– Ну, ты вообще! – крутит у виска Тёмка и тоже добавляет шёпотом. – Борзомер⁹ зашкаливает? А если они догадаются? – незаметно кивает на остальных. – Всё наше инкогнито

⁹ Уровень наглости. (разговорно-молодёжное)

лопнет, как мыльный пузырь.

– В данной ситуации придётся использовать наши маленькие родственные связи, – подмигиваю всем остальным.

– По этому поводу мы с тобой потом поговорим, – нарочито менторским тоном извещает меня брат.

Проходит чуть меньше часа. Мы уже пропустили один рейсовый автобус и дожидаемся помощи от Якова Иосифовича. Наконец, к главному входу подъезжает мини-автобус, из которого выходит водитель и интересуется, кто из нас Сергей Асташёв. Получив от меня утвердительный ответ, он с улыбкой приглашает нас в салон, и вскоре мы благополучно начинаем движение по окраинам ночного Тбилиси. Заметив, что наш маршрут пролегает в объезд центра города, Давид начинает нервничать.

– Эй, генацвале! Гостиницы в центре, а мы куда едем?

– Успокойтесь, товарищи студенты. Мы движемся в обход центра, на выезд из города. Товарищ Джугашвили поручил мне доставить вашу группу к нему на дачу, а завтра отвезу вас в Батуми.

– Товарищ Джугашвили?! Яков Иосифович?! – Габуния удивлённо смотрит то на шофёра, то на меня. – Вах, Серёжа-дзмао¹⁰, я даже боюсь предположить, какие связи есть у твоего отца.

– Да какие там связи... просто папа однажды помог одному хорошему человеку, так вот и познакомился с товарищем

¹⁰ Друг (грузинск.)

Джугашвили. Я и сам в шоке, что Яков Иосифович решил пригласить нас к себе, – однако от меня не ускользнула хитрая ухмылка моего брата. Внимательно смотрящие на меня глаза Тёмки так и говорили «Молодец, выкрутился!»

Через некоторое время автобус останавливается у ворот небольшого особняка в пригороде Тбилиси. Пара минут и шофёр, открыв сам ворота, подруливает к дому, где нас уже встречает сам дядя Яков. Короткое рукопожатие со всеми, и он около меня.

– Мы с Артёмом инкогнито. О нашей с вами родственной связи в СФГ никто из группы не знает, – заговорщицки шепчу я ему. Он кивает и приглашает всех в дом.

В зале накрыт импровизированный стол – мясные блюда перемежаются с салатами. Их дополняют бутылки с соком и газировкой, да и обилие фруктов просто зашкаливает.

Всё больше убеждаюсь, что гостеприимство у грузин в крови.

– Извините, что вам пришлось долго ждать: сначала привезли покушать и пока здесь накрывали стол, автобус уехал за вами.

– Да мы и потерпеть могли... – бормочет Артём, но видя серьёзный взгляд дяди Якова умолкает.

Габуния, ещё не отошедший от шока лицемерия первого лица республики и его гостеприимства по отношению к нам, неожиданно немногословен. Яков Иосифович поинтересовался о цели нашего прибытия, обещал завтра договориться,

чтобы нас поселили в одном из пансионатов Батуми, оформив краткосрочные санаторные путёвки на две недели.

Около полуночи мы разделились и девушки ушли в гостевой домик, а парни по-солдатски заняли все диваны и раскладные кресла в доме Председателя Верховного Совета Грузии.

Глава 3

25 июня 1960 года. Батуми. Пляж профилактория «Жемчужина Грузии» 18 часов 25 минут

Лежим на пляже и наслаждаемся кристально чистой морской водой и условиями сервиса. Как и обещал дядя Яков, около полудня мы прикатили в Батуми. Нас поселили в самую известную здравницу – «Жемчужину Грузии». Несмотря на жаркие споры с администрацией, ни Юкки с Франсуа, ни Давиду с Радмилой не удалось поселиться вместе: только при наличии официально зарегистрированного брака.

«Моральный облик туриста из СФГ должен быть примером для подражания», как говорит наша мама.

Далее был шикарный обед и ныне мы загораем на шезлонгах, периодически охлаждая себя купанием в Чёрном море. Сейчас почти нет отдыхающих: они вернутся с экскурсий только к 20—00 и потому тишина и покой – неизменные наши спутники.

К вечеру, взяв пару такси, мы решаем доехать до родителей Давида. Он уже предупредил их, позвонив ещё с профилактория. Через полчаса мы оказываемся в гостях у не менее гостеприимной семьи Габуния. Сулико Гивиевна радушно встречает нас торжеством своего разнообразного кулинарного искусства, не упустив случая посмотреть на будущую невестку.

Репликой «Вай-ме, сын! Какая она у тебя красавица!» женщина окончательно вгоняет в краску Радмилу и под дружный хохот друзей Давид, обняв свою избранницу, идёт знакомить её с отцом. Георгий Отарович более сдержан в эмоциях, но благосклонно одобряет выбор сына и интересуется нашими планами пребывания в Батуми. За остаток вечера мы тщательно спланировали оставшееся время в Грузии и уже утром следующего дня отправляемся в другую известную за пределами республики здравницу – Боржоми.

Бабушка Давида – Манана Гурамовна, встретила нас замаринованным барашком для шашлыка и несколькими прохладными бутылками сока из разных фруктов, только что извлечёнными из погреба.

Давид с Фаридом мигом начинают приготовление знаменитого грузинского блюда на шампурах, а мы дружно осматриваем окрестности, заодно наводя небольшой ремонт в доме и прилегающих помещениях. Последнее является предметом угрюмых комментариев Давида, что негоже гостям заниматься тем, до чего руки не дошли у хозяев, отчего он получает подзатыльник от бабушки и та вновь возвращается к женской половине нашей компании. Радмила уже ничему не удивляется: столько подаренных безделушек, нескольких фамильных сувениров и, наконец, наследственный перстень от бабушки Мананы, окончательно убедили девушку в серьёзных намерениях этой семьи принять её в свои ряды.

Тиха грузинская ночь. Дневная жара сменилась лёгкой прохладой бриза от Куры.¹¹ Давид и Радмила, вместе с Юрки и Франсуа, ушли к реке, мы с Ингрид сидим на скамейке, а остальные дрыхнут в саду на импровизированных топчанах под кронами деревьев, не выдержав нахлынувших на них впечатлений.

– Какой же колоритный темперамент у здешних людей, – Олафссон даёт оценку череде событий после нашего приезда в Грузию. – Яркие и импульсивные, но вместе с тем дружелюбные и гостеприимные.

– Да, они такие, Ини, – соглашаюсь с ней я.

– Как? Как ты меня сейчас назвал? – она изумлённо смотрит на меня.

– Что-то не так? Извини, я не хотел тебя обидеть.

– Нет, Серёжа, ты не обидел меня. Просто мне папа говорил, что так меня называла моя мама.

– Как интересно. Ну, я больше не нашёл другого уменьшительного варианта для твоего имени.

– Ты меня с каждым днём всё больше удивляешь.

– Ты о чём?

– Ещё до начала первого курса ты начал ухаживать

¹¹ Река, протекающая внутри этого города.

за мной, потом взял в свою группу по единоборствам, дальше тот потрясающий конкурс самодеятельности...

– Всё происходящее между нами я могу объяснить одним словом.

– Каким?

– Люблю. Ты ворвалась в мою жизнь... – Ингрид закрывает мне рот своей ладошкой.

– Не нужно сейчас об этом. Я не слепая и вижу, как ты ко мне относишься. Я должна разобраться в себе, в своих чувствах...

– У тебя кто-нибудь был там, дома?

– Нет. Просто мы с папой вели достаточно скромный образ жизни. Даже эта поездка... сразу столько эмоций, я никогда ещё не была в других странах.

– Почему?

– Просто не доводилось, не было на это времени. А сейчас столько всего за один год. Сначала Москва и учёба в Академии, потом сюда – в Грузию.

– Ты уходишь от ответа на мой вопрос.

– Пожалуйста, не торопи меня. Я тебе уже говорила, что постараюсь привести свои мысли и эмоции в порядок, и мы вернёмся к этому разговору. Я обещаю.

– Я буду ждать столько, сколько понадобится.

– Спасибо тебе, Серёжа, – она быстро коснулась моих губ своими и тут же ушла в комнату, выделенную девчонкам бабушкой Мананой.

Утро следующего дня напоминало подъём в каком-то военизированном подразделении. Где-то около восьми часов я растолкал всех и заставил вспомнить о зарядке. Порядком разленившиеся друзья с видимой неохотой выползли со своих спальных мест и, быстро умывшись из садового ручейника, встали в общий круг.

В самый разгар тренировки во двор вышла Манана Гурамовна и, всплеснув руками от увиденного, пошла готовить нам чай. Полчаса упражнений помогли мышцам вспомнить былой тонус.

Ближе к обеду нас приехал навестить отец Давида и предложил несколько вариантов экскурсий. Двадцать минут аргументированных споров, и мы усаживаемся в мини-автобус Георгия Отаровича, заодно захватив остатки вчерашнего пиршества и новую порцию охлаждённых фруктовых напитков.

Путь наш лежит по самым уникальным и малоизученным артефактам прошлого – мегалитам. По дороге Франсуа рассказал о своём хобби – изучению этих молчаливых свидетельств прошлого нашей планеты и его вкрадчивые и малопонятные комментарии заинтриговали нас. Конечно, самыми богатыми местами на такие сооружения в Грузии можно назвать Самцхе-Джавахеги, Квемо-Картли и Мцхета-Мтианети. Поскольку мы находились в Боржоми было решено посвятить полный день на первый объект нашего знакомства с древностью – Самцхе-Джавахеги. Некоторые из ме-

галитных сооружений были совершенно уникальными, другие в чём-то повторяли, в той или иной степени, архитектуру памятников древнего зодчества в разных странах. Наш гид – младшая сестра отца Давида, тётя Натела, уже на втором объекте древних строителей стала испуганно коситься на Франсуа, когда он с самозабвением стал выдавать порции научных данных по большинству из перечисленных ею памятников старины.

– ...большинство учёных склоняется к очень интересной гипотезе относительно происхождения подавляющего количества мегалитов. Существует мнение, основанное на анализе их типов и размеров, что это опознавательные, указательные, либо накопительные объекты, – продолжал Франсуа.

– И что они накапливают? Вопросы от археологов? – подначил его Курт.

– Ты с химией дружишь? – парировал ему француз. – Голову включи.

– Причём тут химия и мегалиты? – удивился Артём. – Нет, я, конечно, понимаю, что они созданы из разнообразных химических элементов, но...

– Давайте обо всём по порядку, – прервал его Лавелье. – Начнём с того, что все мегалиты состоят из схожих по крепости и составу химических элементов. Но главное сходство в другом...

Он замолчал, обводя всю группу загадочным взглядом.

– Эй, уважаемый! Не тяни резину из наших нервов, да? –

предупредил его Фарид. – Ни к чему хорошему это не приведёт.

– Ладно, продолжу. Всё дело в том, что у подавляющего большинства таких вот сооружений по всему миру, в основной структуре и в очень большой концентрации присутствует кремний, точнее его оксид. А всем известно, из чего делают сейчас радиоэлектронные компоненты.

– Ну да! И где ты там обнаружил микросхемы? – лукаво спросила его Юкки.

– Милая! Это не та технология, которую мы пытаемся увидеть в этих кусках камня. Не исключено, что уровень цивилизации, по указке которой строились эти сооружения, обогнал наш на сотни тысяч, если не миллионов лет. Если вы поднимете подшивки научных журналов и внимательно просмотрите сообщения на эту тему, то увидите очень интересную закономерность: периодически вокруг мегалитов образуются аномальные атмосферные явления. Но вернёмся к здешнему образованию мегалитов. Кто из вас в курсе, что они присутствуют только в Грузии? Их нет ни на земле Армении, ни в Турции. Если бы их находили повсеместно – разговор был бы другим, однако это неопровержимый факт: они найдены только здесь. И ещё интересная информация: на их территории не обнаружено культурного слоя. Ни керамики, ни костей, ни угля. Вообще ничего. Люди там не селились. Крепости Абули и Шаори – практически точная копия друг друга. Чем можно обосновать такую типовую застройку?

ку? Если есть две одинаковые крепости, то нет ли где-нибудь третьей? Четвёртой? Оказывается – НЕТ! Нигде! Только они и никаких аналогов. Кроме того упомянутые крепости построены на высоте от двух с половиной до двух тысяч семисот метров, что выше любого современного населённого пункта. Даже с поправкой на теплую эпоху во время их возведения это все равно слишком высоко и холодно. Воды там нет и быть не могло. Идём дальше. Крепость Шаори находится на вершине горы. И здесь ещё одна странность: на Цалкинском нагорье остались мегалитические постройки и курганы, но не найдено ни одного поселения какой-бы то ни было эпохи. Много поселений на равнинах в Гори, Колхиде и в Кахетии, но их нет на Цалкинском нагорье. Почему люди, обитавшие на Цалкинском плоскогорье и соорудившие эти мегалиты, не создали точно таких же на прилегающей территории Турции и Армении? Загадка, которую пока никто не может разгадать.

– Совсем никто? – прищурился Курт.

– Ну, я попробую сделать вывод. Пусть он достаточно смелый, но полностью объясняет некую закономерность.

– Ты решил сразу получить звание академика? – ёрничает Шреер.

– Для меня нет табу, я не отягощён некими догмами и постулатами, о которых знают и которых придерживаются сотрудники Академии Наук, – пожал плечами Лавелье.

– Давайте мы всё-таки выслушаем его точку зрения, –

предлагаю я.

– Спасибо, Серёжа. Так вот, на основании моих наблюдений и проведённого анализа, можно сделать смелый вывод о том, что вся эта зона была сакральной закрытой территорией, вроде Тибета, и жили тут лишь отдельные жрецы, которые только числились ими, а на самом деле присматривали за сооружениями и своих усопших собратьев хоронили только тут, чтобы не выдать тайну.

Самые новейшие научные радиоэлектронные устройства, позволяющие изучать данный феномен, подтверждают озвученную мной гипотезу – все эти необъяснимые сооружения представляют собой карту на нашей планете.

– Карту чего? – спрашиваю я, окончательно заинтригованный всем сказанным Лавелье ранее.

– То, что я вам сейчас сообщу – непроверенная гипотеза. Но её нельзя ни принять, ни опровергнуть. Все эти мегалиты есть ни что иное, как система порталов. Те, которые стоят обособленно – указатели к ним, а такие вот своего рода архитектурные комплексы – сами порталы. И один из самых крупных – Стоунхендж в Англии.

– Не может быть! – воскликнул Курт. – Ты сам себе противоречишь: у нас радиоэлектронные компоненты изготавливают из чистого кремния, а не из его оксида, который не стоек в агрессивной атмосферной среде.

– Тем не менее, это факт: сколько тысяч лет стоят эти артефакты? Кто даст на этот вопрос исчерпывающий ответ?

Да никто! Обсидиан и гранит, из которых созданы мегалиты, являются продуктами вулканической деятельности. Что такое вулканическая деятельность с точки зрения химии? Это природная камера с высоким давлением и температурой. Фактически они получали чистый материал для своего информационно-энергетического устройства.

– «Они» – это кто? – поинтересовалась Радмила.

– Наше поколение вряд ли когда-нибудь даст ответ на этот вопрос, – вздохнул Франсуа – если человечество узнает об этом вообще.

– Сказки венского леса! – фыркнул Курт. – Милая добрая старая сказка, в которую удобно верить, не имея возможности подтвердить её научными фактами. Как ты объяснишь захоронения в тех же дольменах, а?

– Точно так же, как и в пирамидах Египта, – парировал ему Лавелье. – Одно другому не мешает. Я читал последние отчёты с экспедиций Герхарда фон Моэля. Они провели ультразвуковое сканирование двух пирамид и сделали вывод о наличии системы волноводов внутри каждой из них. Их структура различна, но общее назначение одинаково. Если дело и дальше так пойдёт, то...

– Ну, договаривай! – Шреер разошёлся не на шутку.

– Система пирамид в Египте есть ни что иное, как глобальный приёмно-передающий центр на нашей планете. Каждая пирамида настроена на свою частоту.

– А майя?

– То же самое, но, возможно, в другом направлении.

– Бред! Самый настоящий антинаучный бред!

– Тогда опровергни эту теорию! – вскипел Франсуа. – Безапелляционно и бездоказательно критиковать могут только самоуверенные неучи. Если ты владеешь противоположной по смыслу информацией, построй свою гипотезу, а нет – прими эту. Заявления формы «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда» говорят именно о твоём псевдонаучном подходе к этому вопросу!

– Если их не унять – подерутся, – резюмировала Юкки, глядя на лица парней. Она неспешно подошла к Лавелье и нежно его поцеловала.

– Милый, успокойся, пожалуйста. Пусть лучше каждый останется при своём мнении, чем мы сейчас разругаемся.

– Куда я попала... какой теперь из меня гид... – на лице тёти Нателы было видно крайнее изумление – я думала, что после последнего обновления краеведческой информации я кое-что знаю, а оно вот как получается...

– Не волнуйтесь, Натела Отаровна, это всего лишь гипотеза, – поспешил успокоить её Артём.

– Вы знаете, молодые люди, а я верю ему, – показала она рукой на Франсуа. – Иногда пастухи из окрестных сёл или другие гиды, прибывшие к таким сооружениям в ненастную погоду, рассказывают очень занимательные вещи. И как правильно заметил ваш французский товарищ, были случаи воз-

никновения «огней святого Эльма»¹², несколько раз в эти сооружения попадали молнии, хотя рядом присутствуют более высокие постройки. А ещё был случай, когда пастух в ночную и дождливую погоду заблудился вместе с отарой и вышел к одному из таких мегалитов, где можно было переждать непогоду, только благодаря свечению камня. Я никогда не подозревала возможное применение этих удивительных сооружений с такой точки зрения. Очень познавательно и занимательно!

– Это ещё нужно доказать! – запальчиво воскликнул Курт.

– Брэк! – приходится мне вступить в этот диалог. – Как в боксе: каждый в свой угол ринга. За время каникул запасётесь дополнительными знаниями и добро пожаловать на научные баталии. Мне приходится постоянно упрашивать ребят из нашей группы, чтобы хоть кто-то провёл такое мероприятие и добавил очко в копилку научной активности нашей группы, а оно вот: готовое и многоразовое – и никого упрашивать не нужно. И вам будет полезно и группе выгода.

– Сейчас куда двигаемся? – ещё под впечатлением недавнего разговора, осторожно интересуется отец Давида.

¹² Разряд в форме светящихся пучков или кисточек (или коронный разряд), возникающий на острых концах высоких предметов (башни, мачты, одиноко стоящие деревья, острые вершины скал и т. п.) при большой напряжённости электрического поля в атмосфере. Они образуются в моменты, когда напряжённость электрического поля в атмосфере у острия достигает величины порядка 500 В/м и выше, что чаще всего бывает во время грозы или при её приближении, и зимой во время метелей. По физической природе представляют собой особую форму коронного разряда.

– Георгий Отарович! Только в Боржоме. После столь эмоционального разговора необходимы оздоровительные мероприятия. Шашлык и холодный фруктовый сок – вот то, что нам сейчас поможет.

– Вах, Серёжа! Слышу слова умудрённого жизнью старца.

– Вы мне льстите, дядя Георгий. Простая логика и ничего более.

* * *

Следующими пунктами нашего путешествия стали сначала Квемо-Картли, а затем и Мцхета-Мтианети, но накал страстей там был мизерным. В обоих случаях проблем с ночлегом не было: как только мы попадали в близлежащий населённый пункт, о нас уже знали, и местное руководство помогало ночлегом и экскурсоводом.

Я подозреваю, что мама попросила дядю Якова помочь нам, иначе как объяснить осведомлённость местных органов власти и череду благоприятных совпадений с номерами гостиниц и свободными экскурсоводами.

Франсуа внял моей идее об интеллектуальном ринге и большую часть времени только снимал интересующие его артефакты истории на фотоаппарат. Судя по количеству накопленной им информации на сменных носителях к фото и видеокамерам, ближайшая научная баталия обещала быть интересной.

Постепенно, из-за повседневных купаний и отдыха на пляжах, наша кожа приобрела коричневый оттенок. Мы смеялись, что наконец-то сравнялись с Фаридом, у которого этот цвет был с рождения. В общем, поездка в эту республику удалась на славу. Три недели в Грузии пролетели незаметно.

Из Мцхета-Мтианети мы быстро добрались в Тбилиси и через несколько часов улетели в Москву, а оттуда загоревшие, накупавшиеся в море и морально отдохнувшие, стали разъезжаться и разлетаться по домам.

Оставшееся время каждый из нас решил посвятить мелким личным нуждам: кто-то захотел навестить родственников, кто-то обновить гардероб, а мы с Артёмом двинули на Оку и ещё почти три недели наслаждались природой, купаясь и ловя рыбу.

* * *

22 сентября 1960 года. Подмосковье. Академия Дальних Перспектив. 17 часов 00 минут

Вот и кончилось лето, а за ним пришла осень. Оставшееся время каникул мы лишь изредка созваниваясь для приличия. В последнюю неделю отдыха на Оке к нам присоединился папа, а мама улетела на Адриатику, где совмещала работу и отдых одновременно. Домой мы прибыли тридцатого августа и за сутки успели подготовиться к новому учебному

году.

В нашей подгруппе произошли интересные изменения. Для начала скажу, что Радмила официально сменила фамилию на Габуня. Это постаралась её семья, в частности папа. Грузинско-сербский дуэт, сразу после нашего совместного пребывания в Грузии, рванул в Ниш – родной город Радмилы и уже через трое суток делегация из дюжины её родственников вылетела в Грузию. Молодые попросту не смогли разыскать всех нас, за что в первый же день учёбы слёзно извинялись. В итоге свадьба была проведена без нашего участия, но мы не в обиде. Юкки успела слетать с Франсуа в Хиросиму, откуда она родом. Исторические познания товарища Лавелье о роде Тугоши, которые он выудил во всех мыслимых источниках глобальной сети, так поразили главу семьи, что тот без лишних вопросов разрешил официальные отношения с Юкки и представил будущего зятя своей многочисленной родне.

Через неделю после начала занятий снова выплыла тема научных баталий и, памятуя об эмоциональных спорах двух наших горячих голов в Грузии, я предложил им сойтись на импровизированном научном ринге в стенах Академии. Не скажу, что это предложение было встречено с энтузиазмом, но обе спорящие стороны дали своё согласие.

«Интеллектуальный ринг» был намечен на двадцатое число этого месяца, но Шреер попросил ещё двое суток на подготовку, мотивируя это дополнительными открывшимися

обстоятельствами. Предчувствуя большую «драку» и заинтригованные таким поворотом событий, Ингрид с Радмилой попытались выяснить подробности, но неожиданно им преградила путь девушка из группы поддержки Курта, да к тому же довольно экзотической национальности. Индусы для нас были ещё в диковинку. Несмотря на то, что Индийская республика довольно давно вошла в состав СФГ, на пару с Норманнским Протекторатом, однако её граждане не были частыми гостями в метрополии. Если граждане Норманнского Протектората тесно соприкасались с федеративным государством уже лет шесть, то Дели только недавно направил свою лучшую молодежь обучаться в престижные учебные заведения СФГ, и на нашем курсе их было всего несколько человек. Для подготовки к «битве Титанов» Шреер частенько пользовался электронной библиотекой Академии с доступом в глобальную сеть, где и нашёл несколько единомышленников, в том числе и вышеупомянутую инициативную особу по имени Ситара. Все его «фанаты» представляли собой студентов других групп, но поскольку основными действующими лицами были наши ребята и результаты «Интеллектуального ринга» шли в копилку нашей группы, я, как староста, не возражал.

Шёл уже второй час этого занимательного мероприятия, но стороны, охрипшие до основания, никак не хотели признать пальму первенства за визави. Кончилось это тем, что каждая из противоборствующих сторон принесла МВМГы

и черпала оперативную информацию непосредственно с них, цитируя те или иные выдержки из научных трудов. «Интеллектуальный ринг» был готов превратиться в настоящее «ледовое побоище» когда самая ярая сторонница «линии Курта», Ситара, внезапно передала ему записку. Он быстро пробежал её, хмыкнул и передал ей слово.

– Франсуа! Если я скажу, что вы одновременно правы и неправы?

– Это как? – удивился Лавелье.

– Всё дело в том, что вы следуете в правильном направлении, но ваши выводы истолкованы абсолютно не так. Принцип их применения другой.

– То есть вы хотите сказать, что мегалиты не являются порталами?

– Нет. Они обладают теми свойствами, что вы описываете, но предназначены совсем для другого.

– И для чего, по-вашему, они предназначены?

– Для этого необходимо обратиться к истокам шумерской цивилизации, но по ней в научных кругах почти ничего нет.

– Умный способ признать свою правоту, не основываясь на реальных фактах и доказательствах! Глава вашей группы изрядно поработал, чтобы промыть мозги вам и действовать тем же способом, которого придерживается он сам.

– А вы опровергните мои слова и тогда посмотрим, кто прав! – с вызовом воскликнула девушка.

– За мной плоды нескольких научных экспедиций, а за ва-

ми только словесный бред! – в запале ответил француз. – За этой теорией будущее!

– Эта теория ведёт в тупик все научные изыскания в этом направлении. Индия хранит много тайн, ещё со времен шумеров. Большинство этих загадок нужно ещё изучать и изучать, а именно там существует ключ к разгадке.

– Откуда вам об этом известно? Вы, простите, жрица бога Энки?

Возникшая на некоторое время тишина, вызванная последней фразой Франсуа, заставила всех сделать резкий выдох, и спор вспыхнул с новой силой.

– Нет. Я не удостоена такой чести.

– А вообще кто это или что это? – поинтересовался сам Курт.

– В шумеро-аккадской мифологии один из трёх великих богов, наряду с Ану и Энлилем. Божество мудрости, подземного мира и его вод, всех культурных изобретений. Он был очень благосклонен к людям, – пояснила Ситара.

– Опять опиум для народа... – недовольно проговорила Радмила.

– Нет-нет, мы сейчас говорим не о культе, как таковом, а именно о гипотезе, что все эти создания были ни кем иным, как инопланетянами, делившимися своими знаниями с населением Древней Месопотамии, – Ситара переключила разговор в нужное русло.

– Сейчас нас унесёт ещё часов на пять в другое направле-

ние, и домой вернёмся уже за полночь... – недовольно пробурчал Артём.

– Короче, предлагаю боевую ничью, – подытожил я.

– Согласны! – стройный гул голосов обеих «противоборствующих сторон» подтвердил одобрение этого результата «Интеллектуального ринга».

* * *

12 апреля 1961 года. Подмосковье. Академия Далёких перспектив. Полдень

Этот день войдёт в историю нашей планеты. Пусть это звучит немного пафосно, но оно так и есть. Сегодня стартовал «Первопроходец» – первый пилотируемый корабль, взявший курс на Марс. По этому поводу у нас только что отменили занятия и собрали нас в актовом зале. Ректор Академии провёл получасовую политинформацию, отметив, что нам предстоит взять эстафету полётов по Солнечной системе: уже сейчас готовится второй корабль – «Заря», который намеревается вылететь к Юпитеру, заодно предприняв изучение астероидного пояса.

Мы собрались у одной из скамеек на территории Академии и активно делимся своими эмоциями.

– Насколько я читал о «Первопроходце» в Государственной Сети, – с чувством говорит Франсуа – этот корабль будет пополнять запасы топлива, загружать оборудование и даже

ремонтировать, в случае чего, в космосе.

– То есть как? – удивляется Фарид.

– Вот так. Он стартует с Земли только один раз и больше уже не сядет. Сейчас готовят целых десять бригад техников для его обслуживания. Чтобы умели работать в космосе.

– А на чём они будут летать на орбиту? – в голосе Крута сквозит скепсис.

– Не волнуйся, найдут на чём! – с пылом отвечает ему Лавелье. – Такие проекты не терпят поспешностей. Если послали экспедицию, значит, всё готово для обслуживания.

* * *

22 июня 1961 года. Подмосковье. Академия Далёких Перспектив

Как-то спокойно прошёл ещё один год нашего обучения в Академии. Наша маленькая подгруппа по интересам увеличилась на одного человека: у Курта появилась девушка. Как вы, наверное, уже догадались, ею стала Ситара. И хотя на «Интеллектуальном ринге» она была чересчур импульсивной, в жизни эта девушка сама противоположность эмоциям: спокойная и рассудительная. Ситара стала некой музой для Шреера, черпавшим вдохновение к учёбе из общения с ней. Со стабильных «хорошо» Курт поднялся почти до круглого отличника, исчезла его ненавязчивая расхлябанность и некоторая апатия к непрофильным предметам.

Ближе к концу курса, нас, как и многих других студентов, взволновало одно экстраординарное событие в стране. На день Космонавтики, кроме старта космического корабля «Первопроходец» правительство СФГ преподнесло всем гражданам новый вид транспорта. Предшествующее этому событию выступление Председателя Верховного Совета СФГ известило всех о начале эпохи чистого топлива. Производственное объединение «ТриМ» (Москвич/Мессершмитт/Митсубиши) выпустило первую серию новых средств передвижения. Ими оказались автолёты для гражданского населения и дисколёты для аэрокосмических, военных служб и госбезопасности. Плановый переход от средств передвижения на двигателях внутреннего сгорания к движителям на энергии термоядерных генераторов должен произойти в течение двух пятилеток. Производственные мощности всех трех крупных заводов будут работать в полную силу, чтобы обеспечить плавный поэтапный переход к этому виду транспорта. Естественно, пилотные курсы были переполнены. В этом плане нашей Академии повезло больше: курсовая практика после второго курса подразумевала обучение навыкам пилотов.

Нам с братом достался автолёт немецкого производства. Изумрудный цвет, просторный салон «под перламутровую кожу», вместительный багажник. Это шестиметровое чудо инженерной мысли нашей эпохи заставило нас на несколько минут потерять дар речи, когда, возвратившись после учёбы

домой, мы обнаружили его в гараже.

– Нравится? – с ухмылкой спросила нас подошедшая к нам в этот момент мама.

– Круто! Вообще обалдеть! – только и могли мы с Тёмкой выдать из себя.

– Ваша первостепенная задача – в самое ближайшее время освоить это чудо техники. Я договорилась с дядей Жорой, нашим личным водителем. По выходным он будет к нам будет приезжать и обучать вас пилотированию. Дядя Жора – бывший лётчик и быстрее других сдал правила пользования и вождения автолётами, поэтому лучшего инструктора вам не найти. За месяц подготовитесь и сдадите на право управлять этим аппаратом. Парни вы головастые, думаю, что справитесь.

– Мам! А как быть в Академии? Простую машину мы смогли ещё как-то отмазать, а вот этот летающий дворец – вряд ли.

– Серёжа! Вам голова дана не только для ношения головного убора – придумайте что-нибудь. Или мне отдать его в другие руки?

– Не-э-эт! – дружно заорали мы с братом.

Поскольку автомашины у нас теперь не было, чтобы добраться до нашей альма-матер пришлось пересесть на общественный транспорт.

Неудобно, конечно, но потерпим. Зато потом никаких самолётов не нужно – полетим отдохнуть куда хотим и когда

XOMUM.

Глава 4

Сегодня экзамены проходят как-то нервно. Сказывается волнение вчерашней новости от нашего куратора, товарища Гроссберга. Ханна сообщила нам, что после окончания второго курса, все группы в Академии будут разделены на подгруппы по десять человек, чтобы студенты дальше притирались как полноценные экипажи космических кораблей. По этому поводу начались рокировки студентов в группах. Многие за эти два года перезнакомились и некоторые, как наши Давид и Радмила, уже стали супругами, а теперь у них появился повод создать экипажи либо из семейных пар, либо находящихся в конфетно-букетной стадии. Руководство Академии с пониманием пошло на такие перестановки в учебных группах, и скоро наша подгруппа получила новый условный номер 1-04-1. Мне, как старосте бывшей группы 1—04, была оказана привилегия первым зарегистрировать свой экипаж из десяти человек.

Одно только плохо: подготовку к экзаменам никто не отменял. Возникшие организационные вопросы необходимо было решить до окончания курса, а не после него. Вот в таком сумасшедшем цейтноте мы и подошли к сессии. Надо отдать должное моим друзьям – они с честью выдержали испытания и не опустили вниз планку показателей успеваемости: троек не было ни у кого.

В этом году последними выходим мы с Артёмом. На вопрошающие взгляды каждый из нас показывает растопыренную пятерню и под громкое «Ура!» покидаем Академию, чтобы повторить прошлогодний вояж в кафе «Дельфин», ставшее уже для нас родным.

– Куда направимся в этом году? – в предвкушении нового приключения спрашивает Давид.

– А какие предложения? – вопросом на вопрос отвечает Артём.

– Ну, есть предложение посетить Францию, – вкрадчиво говорит Франсуа, оглядывая всю нашу группу. – Совершеннолетие наступило у всех, а потому никто нам не помешает попробовать немного превосходного бургундского вина и замечательного французского сыра. Заодно осмотрим памятники старины, которые во Франции почти на каждом шагу.

– Решил представить свою невесту семейству Лавелье? – подкалываю его.

– И это тоже, – смущённо соглашается он.

– Только билетами нужно сразу озаботиться, чтобы не получилось как в Грузии, – добавляет Курт. – А из Франции можно сразу рвануть ко мне, в Баварию.

– Это сколько же денег придётся потратить... – шевеля губами, Фарид закатывает глаза, мысленно пытаюсь подсчитать необходимую сумму на всю группу.

– Так, суперкарго даже здесь использует полученные знания, – утрирую я и, улыбаясь, преподношу коллективу сног-

сшибательную новость. – Деньги на перелёты больше не понадобятся. Наши с Артёмом родители, высоко оценив наши старания в учёбе, решили преподнести нам подарок.

– Какой? – несколько человек почти синхронно задали этот вопрос.

– Накопления родителей, плюс небольшие связи в ГКРе позволили папе приобрести себе автолёт. Посоветовавшись между собой, они с мамой отдают это новейшее чудо техники нам.

– Вот это подарок! – искренне удивляется Ингрид. – Даже мой папа, подав своевременно заявку, рассчитывает обзавестись автолётом только к концу года. Серёжа! Видно ваш с Артёмом папа не последний человек в ГКРе.

– Во всяком случае, не рядовой сотрудник, – соглашаюсь с ней.

– А кто будет его пилотировать? Нам дадут водителя? Это ещё один человек в путешествиях? – вопросы сыпятся, как из рога изобилия.

– С апреля месяца мы с братом проходили курсы. На днях нами успешно сданы экзамены, и теперь мы сами можем управлять этим видом транспорта...

– Ура! – перебивают меня громогласные вопли одногруппников. Немногочисленные посетители кафе испуганно косятся на нас.

– Тише-тише. Не надо так бурно реагировать на новость, даже если она действительно потрясающая, – улыбаюсь я –

иначе нам придётся позабыть об этом чудесном месте нашего рандеву.

* * *

26 июня 1961 года. Подмосковье. Академия Далёких Перспектив

Сегодня началась практика. Событие могло стать обыденным, если бы не тот факт, что она будет связана с пилотированием летательных аппаратов.

В новеньких лётных комбинезонах, накануне в пятницу выданных завхозом нашей альма-матер, мы собрались у здания Академии как обычно, к восьми утра, и уже через полчаса автобус повёз нас в Кубинку, где находится аэродром гражданской авиации. Пока ехали, спорили, на чём будем летать. Большинство склонялось к варианту легкого самолёта, типа ПО-2, но результат превзошёл все ожидания: новый пассажирский автолёт стоял посередине посадочной полосы, а чуть поодаль... м-м-м... ожившая фантастика – дисколёт! Самая натуральная летающая тарелка, как будто сошедшая со страниц книг фантастов.

Заметив наше волнение, четыре инструктора подошли к нашим двум группам, собиравшимся в этот день проходить практику.

– Здравствуйте товарищи! Мы рады приветствовать вас на нашем полигоне, – поздоровался с нами старший из них. –

Сейчас оба экипажа пройдут к своим аппаратам. Не волнуйтесь! Дадим полетать на обеих машинах. Чтобы было не обидно, кому с чего начинать, давайте кинем жребий.

И нам выпал автолёт. Рассаживаемся в кресла. Старший из пары инструкторов быстро проводит переключку и интересуется, кто из нас идёт по профилю «пилот». Мы с Ингрид дружно поднимаем руки, и он жестом приглашает нас вперёд.

– Теорию пилотирования самолётов вы все изучали, отличие данного летательного аппарата заключается в том, что ему не нужен прогрев двигателя. Кроме того, существует несколько нюансов в движительной установке... – в это время я отвожу взгляд в сторону остальных одноклассников. Инструктор замечает это и хмурится.

– Молодой человек! Теория без практики – мертва и бесплодна, практика без теории – бесполезна и пагубна. Только освоив и то и другое – вы станете полноценным пилотом. Не нужно отвлекаться от инструктажа.

В ответ достаю из комбинезона удостоверение пилота автолёта и молча протягиваю ему. Тот открывает, читает, хмыкает и удивлённо смотрит на меня.

– Не ожидал. Честно не ожидал. Тогда беру свои слова назад. Покажете, чему научились?

– Без проблем.

– На какой машине летали?

– АЛ-10¹³. На данном, АЛ-20, доводилось всего раз. В качестве расширения кругозора.

– Понятно. Что ж, прошу за штурвал. А остальные смотрят и запоминают все действия. Будут ошибки – разберём. Все пристегнулись ремнями безопасности? Если на обычной машине кратковременно можно обойтись без них, то тут такой фокус не прокатит. Без ремня, значит, потенциальный покойник. Всем ясно? Тогда в путь!

Включаю тумблер запуска движителя. Аппарат повис в воздухе, чуть покачиваясь. Немного придавливаю ногой на акселератор гравитатора и мягко оттягиваю штурвал на себя. Машина послушно поднимается, достигаем высоты десяти метров.

– Какой курс? – интересуюсь у инструктора. Старший переглядывается со вторым.

– Движемся вдоль Наро-Фоминского шоссе до Акулово, там поворот на восток, остановка в воздухе и смена пилота. Долетаем обратно, посадку осуществляет второй пилот. И так попарно будут летать все остальные. Всё ясно? Возражений нет?

– Нет! – почти одновременно выкрикнули десять ртов.

– Спокойнее! Времени всем хватит, а то я уже наблюдаю предполётную нервозность. Это плохая привычка, чем раньше вы от неё избавитесь, тем лучше для вас.

Сейчас бы полетать повыше... эх, мечты, мечты... Хо-

¹³ Автолёт десятиместный

рошо бы ещё на дисколёте попробовать сегодня. Вот там точно кураж в воздухе будет...

– Пилот! Курс на восток! – отвлёк меня от мыслей приказ инструктора. Я послушно повернул машину влево и остановил над опушкой лесного массива.

– Теперь ваша очередь, – обучающий жестом пригласил Ингрид занять моё место. – Студент Асташёв! Вашу идентификационную карточку. О! Кхм-гхм... я...

Смотрю глаза в глаза пронзительным взглядом на инструктора. До того быстро доходит и он, незаметно кивнув мне, только оглашает оценку.

– Что ж, вы прекрасно учились на курсах, поэтому оценка «отлично» получена вами заслуженно. Можете сесть на любое понравившееся вам место, дальше проверять ваши полётные качества не имеет смысла.

Усаживаюсь в следующее за пилотом кресло и не успеваю пристегнуться.

В этот момент волнение Ингрид сыграло с ней злую шутку. Девушка попыталась подняться чуть выше и не учла невесть откуда взявшийся встречный поток воздуха. Автолёт качнуло, она с трудом выровняла машину, затем последовал ещё один, более мощный порыв ветра. Олафссон от испуга инстинктивно сбросила газ, и аппарат ушёл в сильный левый крен.

– Ини! Штурвал на себя! Увеличь скорость и уходи на подъём! – почти кричу ей.

Инструктор хотел что-то сказать, но старший знаком оставил его.

– Пусть попробуют сами разобраться. Это полезно для экипажа, – и уже остальным нашим одноклассникам – Вот вам, товарищи, и первая нештатная ситуация на борту. По окончании полётов мы её обязательно разберём, чтобы больше не совершать таких ошибок.

Тем временем моя девушка выровняла машину и уверенно взяла курс на аэродром.

– При посадке старайся плавно гасить скорость и на уровне 10 километров в час можешь тормозить, – пытаюсь довести до неё тонкости пилотирования данной машиной. Наконец, мы зависаем над ВПП и плавно садимся.

– Студентка Олафссон! Благодаря своевременной помощи вашего товарища, мы избежали последствий нештатной ситуации. Ставлю вам оценку «хорошо» только из-за возвратившегося самообладания. На будущее: пилотирование воздушных судов не терпит разгильдяйства – только полный контроль обстановки и ежесекундная готовность реагировать на любые изменения в погодных условиях. Всё ясно?

– Так точно! – по-военному отвечает она.

– А вообще, благодарите Сергея. У него очень хорошие задатки пилота.

Покрасневшая Ингрид молча встаёт с кресла, делает шаг ко мне и, быстро одарив меня невинным поцелуем в щёку, уходит вглубь салона. Короткий шок у остальных сменяется

аплодисментами и улюлюканьем.

– Кто следующий? – интересуется инструктор.

– Разрешите мне? – просит Артём.

– Давай! – приглашает жестом старший из обучающихся.

* * *

За два часа вся наша группа успела совершить по паре воздушных полётов на каждого, с отработкой взлёта и посадки.

Руководство Академии решило не отвлекать студентов от практики и привезло полевую кухню прямо на аэродром. Пообедав, мы с энтузиазмом направились в сторону вождьленного всеми нами объекта – дисколёта.

Вторая пара инструкторов была одета в военно-полевую форму офицеров госбезопасности – молодого лейтенанта и с поседевшей шевелюрой капитана, колоритной украинской наружности. У последнего присутствовали даже нашивки о ранениях.

О, как! Капитан КГБ, оказывается, воевал. Наверное, хлебнул по самое-самое, был комиссован и направлен сюда обучать молодое пополнение.

– Здравствуйте, товарищи студенты! Меня зовут Анатолий Герасимович. В ваш курс обучения входит дисциплина «пилотирование летательных объектов военного назначения», поэтому вы попробуете свои силы в освоении нового

воздушного судна – дисколёта. Теоретическую информацию до вас должны были довести, в связи с чем поинтересуюсь: кто знает его тактико-технические характеристики?

– А на какой модели нам предстоит подняться в воздух? – интересуется Артём в свойственной ему манере отвечать вопросом на вопрос.

– ДЛ-10, – информирует лейтенант.

– Дисколёт десятиместный. Масса – 3 тонны. Два двигателя, способных работать как в синхронном, так и в асинхронном режимах. Порог безопасной скорости – 300 км/ч, максимальная скорость в воздушной среде 1000 км/ч, в герметизированном варианте конструкции летательного аппарата – 3000 км/ч в безвоздушном пространстве, – отчеканил мой брат.

– Молодец! Специализация у тебя какая? – интересуется лейтенант.

– Штурман, – хмыкнув, отвечает Тёмка.

– Кто из вас пилоты? – спрашивает капитан.

Опять мы с Ингрид дружно поднимаем руки, он кивает.

– Загружайтесь в дисколёт, только не занимайте места рядом с пилотами – там мы с лейтенантом будем находиться, – объясняет всем собравшимся старший инструктор, но сам садится во второе кресло пилота, а Ингрид усаживается рядом с лейтенантом.

– Высота и курс? – жду ответа от капитана госбезопасности, подняв аппарат метров на пять от земли.

– Смежники попросили доставить груз из Ногинска в Гатчину, – обратился старший к лейтенанту. – Думаю, что за пару часов обернёмся. Вы никуда не торопитесь?

– Нет, Анатолий Герасимович. Чем дальше летим, тем больше опыта набираемся.

– Логично, студент. Тебя как звать-то?

– Сергеем.

– Давай, Серёжа, дуй на Ногинск, только в обход Москвы с юга. Высота... хм... ну, пусть будет двести метров. Справишься?

– Постараюсь, – уклончиво отвечаю я.

В процессе полёта, капитан замечает взгляд Ингрид, следящей за моими действиями из-за спины.

– Давай-ка, дочка, пересаживайся на это место, – с улыбкой говорит он. – Вижу, как ты тоже хочешь порулить.

«Дочка» воссияла обворожительной улыбкой и мигом пересела в кресло второго пилота.

– Второй пилот! Передаю управление аппаратом, – информирую её важным голосом и незаметно подмигиваю ей.

– Управление приняла, командир! – в тон мне отвечает Ингрид.

– Ёксель-моксель! Да ты у них взаправду главный? – интересуется капитан.

– Так точно, тарщ капитан!

– Ну-ну...

Полчаса и мы в Ногинске. Плавно сажаю дисколёт на им-

провизированную ВПП на территории какого-то военного объекта. К аппарату сразу бегут шестеро людей в форме, держа попарно три пластмассовых контейнера. Тыкаю тумблер, и дверь отъезжает в бок, одновременно с этим выдвигается входной пандус. Госбезопасники коротко приветствуют друг друга и подбежавшие ловко запихивают груз между последних кресел.

– Курс на Гатчину! – командует капитан.

– Поднимай аппарат! – в свою очередь даю указание Ингрид. Она кивает и быстро стартует, одновременно убирая пандус и закрывая дверь.

– Курс 335, высота 300, – даю ориентиры второму пилоту и тут же обращаюсь к старшему. – Анатолий Герасимович! Мне самому доложить о нас в Центр полетов Москвы или вы это сделаете, как старший по званию и должности?

– Ставлю тебе зачёт, командир экипажа! – одобрительно отвечает тот. – Вот! Учитесь! Выход за пределы области ВСЕГДА означает оповещение оперативного дежурного по полётам. Думал, через пару минут отдать тебе такой приказ, да ты сам сориентировался! Молодец!

– Центр, я... – быстро окидываю взглядом приборную панель и замечаю шильдик, с прикрепленным номером аппарата – ...борт ДЛ-10-14! Согласно техническому заданию, следую в сторону Гатчины.

– Принято, борт ДЛ-10-14! Удачного полёта!

– Благодарим!

М-да... такой аппарат долетает до Ленинградской области меньше, чем за полтора часа. Вот это техника шагнула!

*** * ***

В тот же день. Ленинградская область. Воздушное пространство над Гатчино. 16 часов 35 минут.

Только поднялись, предвкушая спокойное возвращение домой, как в динамике прозвучало тревожное сообщение.

– Говорит рыбацкая шхуна «Свяга»! У нас на борту чрезвычайная ситуация! Возник пожар в машинном отсеке. Три человека пострадали! Просим помощи! Повторяю...

Решение возникло спонтанно.

– Говорит борт ДЛ-10-14. «Свяга»! Где вы находитесь?

– ДЛ-10-14! Южная часть Ладожского озера. До берега с ранеными не доплыть! Аварийное плавсредство повреждено, частично сгорело.

– Центр! Я – борт ДЛ-10-14! Меняю курс, в связи с чрезвычайными обстоятельствами! Постараюсь оказать помощь бедствующему судну!

– Принято, борт ДЛ-10-14! К вам направляются машины скорой помощи из близлежащих населённых пунктов, а с Ленинграда вылетела «Пчёлка»¹⁴.

¹⁴ Лёгкий транспортный самолёт гражданской авиации. Предназначен для выполнения эвакуационных мероприятий. Способен сесть на грунтовую ВПП.

– Что планируешь делать? – живо интересуется капитан после завершения радиообмена.

– Наша задача быстро дойти до терпящего бедствия судна и доставить до берега пострадавших, – чётко докладываю план мероприятий.

– А как будешь принимать на борт?

– Имею небольшой опыт пилотирования автолёта. Думаю, что можно зависнуть над водной поверхностью и постараться выдвинуть пандус так, чтобы он был чуть притоплен. А наши парни помогут достать людей из воды. Другого варианта не вижу.

– Добре, Серёжа, правильная придумка. А мы с лейтенантом трошки поможем, если что.

– Ини, курс – 25, высота – 100, скорость – 600! – командую я ей.

– Принято, командир, – отвечает мне Олафссон, сразу ставшая серьёзной.

Через пятнадцать минут мы у цели. «Свияга» дала резкий крен на левый борт, половина судна в огне, вперемешку с густыми клубами чёрного дыма. Люди сгрудились на носу шхуны, куда ещё не добралось пламя, но дым от горящей солярки временами накрывает их полностью. На импровизированных носилках, впопыхах сделанных из куска брезента, вижу пострадавшего. Беру управление на себя, снижаюсь до высоты в десять метров и захожу на судно. У одного из рыбаков замечаю в руках рацию из аварийно-спасательного комплек-

та.

Значит, он нас должен слышать.

– «Свяига», это борт ДЛ-10-14! Внимание! Вас не забрать непосредственно со шхуны. Сейчас я развернусь и подойду метрах в пяти от судна. Ваша задача помочь раненым вплавь добраться до трапа, где мы вас примем на борт. Вопросы есть?

– Ни хрена себе! А что это за аппарат у вас такой?

– Вопросы будут потом! Выполнить то, что я сказал, сможете?

– Постараемся.

Подвожу дисколёт на максимально возможное расстояние, попутно сбрасывая высоту до нуля. Аппарат зависает на уровне полуметра от воды. Пандус пошёл вниз и частично погрузился в воду. Здорово мешает ветер и гарь от горящего судна. К тому времени «Свяига» полностью объята огнём, но рыбаки уже плывут к нам. Их семеро, трое из них ранены. Один совсем обожжён, еле двигается. Ему помогают двое, держа его за подмышки с обеих сторон, а свободными руками отчаянно выгребая. Госбезопасники вместе с парнями из нашей группы приготовились принимать пострадавших. Вот один попал на борт, второй, третий, за ними тяжелораненый. Юкки вскакивает со своего кресла, и на ходу отдирая аварийную аптечку от креплений, начинает колдовать над ранеными. В салоне сразу стало тесно, но никто не в обиде.

Тем временем, я резко стартую почти от борта «Свяиги»,

стремительно идущей ко дню и сильно накренившейся в сторону дисколёта.

Ещё минут пять и она затонет окончательно.

– Командир! Двое ранены неопасно, третий в тяжёлом, – следует доклад медика. – Повреждено около шестидесяти процентов кожного покрова! Раны у легкораненых обработаны, сейчас ввожу обезболивающее тяжёлому. Благоприятный прогноз только при своевременной доставке в лечебное учреждение. Необходима срочная госпитализация!

– Принято! – отвечаю ей и вызываю Центр полетов по Ленинградской области. – Центр, я – борт ДЛ-10-14! Эвакуация завершена. Один из пострадавших находится в очень тяжёлом состоянии! Сильные ожоги! Принимаю решение вылететь к вам! Как поняли, приём!

– Борт ДЛ-10-14! Каковы последствия ожогов?

– Повреждено около шестидесяти процентов кожи.

– Плохо дело. У нас недавно на пожаре был похожий случай. Наши медики не взялись, а в восстановитель можно положить только после первичного заживления. Ему бы в Москву, там точно помогут.

– Тогда оставляю на берегу всех, кроме него. Вижу, что две машины скорой помощи уже подъехали. А тяжелобольного попробую доставить в «Склиф».¹⁵ Прошу дать зелёный коридор, вплоть до самого ожогового центра.

– Принято, борт ДЛ-10-14! Зелёный коридор будет! Уда-

¹⁵ Институт Склифосовского в Москве.

чи вам, ребята!

Быстро достигаю берега, и рыбаки покидают дисколёт, попадая в руки подъехавших медиков, не забывая несколько раз поблагодарить нас за своё спасение. Один из врачей передаёт нам несколько пузырьков с медицинскими препаратами, которые сразу же исчезают в карманах комбинезона Юкки. Она раскладывает больного на сдвинутых креслах, бескомпромиссно срезает с него остатки обгоревшей одежды и начинает колдовать над его ожогами.

– Тарщ капитан! Прошу разрешения применить максимально разрешенную скорость в виду чрезвычайных обстоятельств.

– Как старший по званию разрешаю, а остальное... сынок, ты уже все зачёты сдал... и это первый день за штурвалом дисколёта... вот, лейтенант, что студенты наши творят. Одни – пилоты экстра-класса, другая – медик от бога. Да, правильно сделали, что вас по экипажам разбили. Какая сплочённость-то в коллективе!

Разгоняю аппарат до тысячи километров в час. Пейзажи в иллюминаторах аппарата меняются с фантастической быстротой. Юкки постоянно следит за самочувствием больного, девчонки тоже не сидят без дела и, обступив пострадавшего со стороны кресел аппарата, помогают медику обрабатывать ожоги.

Через сорок минут мы долетаем до Москвы.

Как хорошо, что я вырос в столице и знаю город, а то бы

плутал между многоэтажек!

Добираюсь самым кратчайшим путём, лавируя между высотных зданий и стараясь не задеть высоковольтные провода. Вот и «Склиф» – Главный Ожоговый Центр СФГ. Аккурратно сажусь перед вестибюлем. Нас уже ждут, и с приёмного входа устремился медперсонал с передвижными носилками. На только что спущенный трап взбегают молодой интерн и дородный санитар. Они оперативно эвакуируют больного, предварительно пожав руку капитану и Юкки.

– Анатолий Герасимович! Мы сейчас в Кубинку или ещё куда? – усталым голосом вопрошаю старшего инструктора.

– В Кубинку. Вы сразу домой, а мне ещё отчёт писать и представление на экипаж.

– Какое представление?

– Мил человек! За такие «выкрутасы» положена медаль «За мужество».

– Мы не ради награды...

– А никто с этим не спорит, но порядок есть порядок: после каждого нештатного случая отчёт и вывод – наградить или наложить взыскание. Ну, вторым тут и не пахнет, а вот наградить нужно. Обязательно. Был бы ты в нашей шкуре госбезопасности...

Ухмыляюсь.

Ну-да, ну-да, тарц капитан, вы ещё мою идентификационную карту не видели...

Вот и знакомый аэродром Кубинки. Ингрид, самостоя-

тельно стартовавшая от института Склифосовского и благополучно пилотирувавшая весь остаток полёта, аккуратно сажает аппарат на ВПП. В последний раз за сегодня выезжает пандус, и мы гурьбой вытряхиваемся из пропахшего потом и медицинскими препаратами салона дисколёта. На земле нас встречает глава Академии и несколько сопровождающих его лиц, среди которых и наш куратор. Сначала принимают рапорт от капитана, потом кратко рассказываю я.

– Молодцы! Не ударили в грязь лицом, – кратко резюмирует ректор. – Вот, товарищи! Таким и должен быть сплочённый экипаж. Рисковали, но разумно, первыми пришли на помощь, хотя от них никто этого не ждал.

– Достойная смена растёт! – одобрительно подытожил госбезопасник с полковничьими погонами. – Предлагаю поощрить экипаж.

– Само собой, Аркадий Александрович! За этим дело не станет, – согласился с ним ректор и повернулся к нам. – А чего бы вы сами хотели, ребята?

– Мы не ради награды помогли людям. Сам погибай, но товарища выручай или я не прав? – внимательно смотрю в глаза ректору.

– Это дела не меняет! Вы понимаете, какой общественный резонанс создали? Студенты АДП и показывают такой профессионализм! Товарищ Гроссберг! – обращается к нашему куратору ректор. – Через час представьте мне на подпись ходатайство о награждении курируемой вами группы медалью

«За мужество», а дальше я его отправлю по инстанции.

– А я со своей стороны направлю рапорт, – поддерживает его госбезопасник.

Все собравшиеся расходятся по своим делам, куратор подзывает меня к себе и тихо интересуется:

– Как я понимаю, ваши с братом звания не надо упоминать?

– Мы были бы вам очень признательны.

– Зер гут.

Глава 5

Подмосковье. Дача Асташёвых. Вечером того же дня

На автобусе нашей альма-матер нас персонально развезли по домам: друзей в общежитие, а нас с братом, последними, домой. Водитель хитро подмигнул нам на прощание и уехал. Сейчас мы откисаем в ваннах, благо, что их в доме две, прокручивая в уме все перипетии прошедших событий.

Родители ещё на работе. Первым из ванной выбирается брат и начинает хозяйничать на кухне, заодно включив МВМ и просматривая новости в глобальной сети. Я уже вытираюсь, когда слышу его громкий ор и требование срочно явиться на кухню. Быстро попадаю в указанное помещение, и он молча пододвигает ко мне МВМ, а сам начинает раскладывать приготовленный ужин по тарелкам. На автомате пробегаю глазами новостной блок и тупо останавливаюсь на видеорепортаже с места ЧП в Ленинградской области. Мелькают наши лица, чуть дальше вижу интервью наших ректора и куратора.

Приплыли. Сейчас ещё наши папа с мамой узнают об этом. То-то шороху будет.

Как по мановению волшебной палочки начинает петь знакомую до боли мелодию звонка мой персональный телефон. На проводе мама.

– Ну, здравствуй, герой!

– Да какой герой, мама? Ну, помогли людям... такое на нашем месте мог сделать любой другой.

– А вот технические специалисты в один голос говорят, что Сергей Асташёв придумал очень оригинальный способ посадки в труднодоступном месте на аппаратах нового класса. И я склонна верить им, а не тебе. Это ты в горячке ситуации считаешь, что там всё просто, а люди уже проанализировали твой поступок и вынесли свой вердикт.

– Меня накажут?

– Не придуривайся, а? У меня сердце чуть не выскочило, когда мне доложили о вашем участии в ликвидации этого происшествия. Студенты попали сразу в серьёзную спасательную операцию. В общем, будет вам медаль, каждому и без всяких исключений. Приказ я уже подписала. А МЧСники хотят вас поощрить поездкой в любой санаторий на выбор. Думайте и решайте быстрее. И да, практика вашей группой пройдена. Об этом мне ректор доложил несколько минут назад. Завтра явитесь в деканат и вам поставят отметки об окончании практики. Всё, дел по горло, вернусь поздно, целую тебя и Тёму. Пока.

Только мы сели перекусить, зазвонил городской.

– Спорим, что это папа? – пытается подбить меня на пари брат.

– Даже спорить не буду, факт – соглашаюсь с ним я.

И точно: пять минут пафосной речи, какие мы молодцы,

как он нами гордится. Ему мама сообщила, он же сегодня улетел в командировку на Апеннины и потому не может нас лично поздравить.

Через десять минут опять звонок на персональник. На сей раз звонит моя девушка и сообщает, что ей очень плохо и просит приехать. Делать нечего, собираюсь, беру ключи от автолёта и в путь.

Уже когда летел, поступил ещё один звонок на мой телефон. Снова мама. Говорит, что ей звонил будущий сват.

Как же я не люблю такие подколки!

Типа он польщён, что его дочь будет награждена медалью «За мужество», первой из граждан Норманнского Протектората. В телефонном разговоре с ней он посоветовал обратить своё девичье внимание на меня, как на очень перспективного жениха. Очень умный, мужественный и скромный молодой человек. Сообщил Анастасии Олеговне, что его дочь, также как и я, находится в Академии инкогнито и просил не раскрывать его.

Ну да, ну да...

Говорю, что после всех перипетий сегодняшнего дня у моей девушки начался отходняк, и она просила меня забрать её куда-нибудь. Мама понимающе хмыкнула и отключилась.

Сажусь рядом с женским общежитием Академии. Моя посадка сопровождается любопытными взглядами, высунувшихся из окон лиц женского пола. Кое-где из подъездов общаги высыпало по несколько человек той же половой при-

надлежности и все смотрят на меня, как на инопланетянина. Потом кто-то заорал, что этот тот парень, про которого был сегодня репортаж в сети. Теперь все ждут, что будет дальше. Из второго подъезда вырывается моя девушка в восхитительном платье, соответствующей причёской и макияжем. Подходит к аппарату.

Желая произвести окончательный фурор, я небрежно кидаю ей ключи и кивком головы показываю на место водителя.

Хорошо, что воздушной ГАИ пока не придумали. Гы! Проверять права не будут.

Она понимает мой хитрый ход с полуслова и, быстро устроившись на месте водителя, уводит автолёт со двора под откровенно завистливые взгляды соседок по общежитию.

И вот мы в «Национале». Честно говоря, я сам этого не ожидал, но наша мама-хитрюля позвонила отцу, чтобы он перезвонил мне и сообщил, что от своего имени заказал нам столик в этом престижном ресторане.

Вот конспираторы, блин! М-да... мне до них точно, как до Марса пешком.

В зале «Националя» не очень многолюдно – занято пара столиков «под завяз» и ещё пара наполовину. Тихая мелодичная музыка льётся из динамиков акустической системы и располагает к романтическому общению. Внезапно от одного из занятых столиков к нам направляется кряжистый мужчина. На вид ему за сорок, общий вид говорит о том,

что костюм – не его повседневная одежда. Он скорее привык к чему-то попроще. Его шествие сопровождают пристальные взгляды остальной компании за его столиком. Женщины перешёптываются, а оставшийся за столиком мужчина что-то негромко говорит им, достаточно эмоционально жестикулируя.

– Простите, что побеспокоил вас, молодые люди, но наша компания интересуется: не вы ли сегодня принимали участие в спасении «Свяги»? Уж больно лица ваши похожи на ребят из репортажа.

– Вот видишь, Ингрид, нас уже стали узнавать даже в ресторане, – улыбаюсь я своей девушке. – Остаётся только надеяться, что такое будет не каждый раз.

– Тогда ты – Сергей Асташёв, да? Это мой друг Колька сомневался, а я сразу сказал, что это он, то есть ты, – он протягивает свою ручищу. – Хочу поблагодарить тебя. От всей души. Я сам рыбак в той же артели, был в отпуске... в столице... а тут такой репортаж... да ещё показали моего младшего брата... это ты ЕГО спас. Если б не твой аппарат... в общем, будешь у нас в Сортавале – милости просим в гости. Воронцовых там знают все. У нас вся семья передовики производства. Мать позвонила и сказала – найди обязательно того парнишку и поблагодари за младшего, за Витьку. Он тебе жизнью обязан!

– Благодарю за приглашение. Если буду проездом, обязательно зайду, – жму руку в ответ.

– Повезло тебе, девонька, с мужем, – добродушно подмигивает он Ингрид. – Такой ни в какой беде не бросит.

– Он пока мне не муж, – смущённо отвечает Олафссон моряку.

– Да ну? – недоверчиво глядит на неё моряк. – Тогда чего медлишь? Такие парни на дороге не валяются! Ну и тебе поклон от моей матери, да и остальным парням и девчонкам приглашение передавайте! Всех примем в гости!

– Благодарю вас за приглашение, мы обязательно его передадим экипажу, но позвольте нам побыть вдвоём. Всё-таки, нервное напряжение ещё даёт о себе знать.

– Да-да, не буду вам мешать. Понимаю и простите за назойливость, – моряк быстро ретируется за свой столик, и там начинается оживлённая беседа.

– Серёжа, пойдём потанцуем? – на меня смотрят просящие глаза Олафссон.

– С удовольствием, Ини.

Словно угадав наше настроение, из динамика полилась медленная музыка. Следуя её ритмам, мы не спеша двигались по всей ширине танцевального круга, наслаждаясь общением друг с другом.

Вернулись почти в полночь. На этот раз аппарат пилотировал я. Тихо и аккуратно зависнув у подъезда перед общепитом, я высадил Ингрид. Она поцеловала меня на прощание в щёку и упорхнула внутрь него.

27 июня 1961 года. Подмосковье. Академия Далёких Перспектив

Уже на пути в Академию каждый из нас в полной мере ощутил все прелести популярности. Городской транспорт стал для каждого из нашей группы местом испытания на прочность нервной системы. Те из пассажиров кто поскромнее – просто пялятся на тебя, а самые смелые даже проходят через весь салон автобуса или троллейбуса за автографом. На входе в альма-матер не лучше: присутствие взглядов сокурсников чувствуется постоянно. Как нам и велели, мы собрались у деканата. Однако первой из кабинета вышла наш куратор. Поздоровавшись, она сообщила, что сейчас в актовом зале будет собрание всей Академии.

Понятно. Будут делать пример для подражания всем остальным. Политика и ничего тут не попишешь.

Так оно и вышло. Объявили общее построение по группам в актовом зале, и через несколько минут на сцену поднялся ректор. Получасовая речь о моральном облике студента нашего учебного заведения, восхваление нашего профессионализма и, наконец, торжественное награждение медалями. К его пафосному выступлению подключился дородный мужик в полковничьих погонах, судя по нашивкам – МЧСник. Полковник отметил, что предложенный Сергеем

Асташёвым оригинальный способ посадки в труднодоступных местах сейчас тщательно прорабатывается техническими специалистами из его министерства и вскоре будет внесён в учебники спасателей.

Угу. Канонизировали меня МЧСники. Теперь надолго останусь известным. Вот и для чего мне это надо, а?

Он торжественно вручает нашей группе направление от Министерства по Чрезвычайным Ситуациям в лечебно-курортный санаторий и отмечает, что учреждение, в котором мы захотим побывать, группа может выбрать самостоятельно. В заключительной речи выступила куратор нашей группы. Товарищ Гроссберг поздравила нас с наградами и сообщила, что вчерашние наши сплочённые действия фактически показали полную профессиональную пригодность и успешное освоение преподаваемых нам дисциплин. В связи с этим практика для нас заканчивается и после собрания нам поставят её прохождение с оценкой «отлично».

Далее было коллективное фото с руководством, причём Гроссберг намеренно поставила нас с Ингрид вместе, при этом ухмыльнувшись.

Не знаю, чьи это происки, но точно было сделано не просто так.

После всей торжественной части мы переместились в наше излюбленное место встреч – кафе «Дельфин». Помимо небольшого застолья по поводу окончания практики, обсуждался вопрос, когда и в какой последовательности мы выле-

таем на каникулы. В самый разгар разговора мне на персональничек приходит вызов с незнакомого номера. На том конце трубы строгий военный голос приглашает меня и брата на некое собеседование в 15—00. Место randevу смутно знакомо, но откуда — не могу вспомнить. Словосочетание «полковник Лысенко» тоже ни о чём не говорит.

Ладно, разберёмся.

Включаюсь снова в обсуждение животрепещущего вопроса о нашем отдыхе, и, в конце концов, решаем стартовать в воскресенье. Мы с братом прилетим к общаге и заберём всех остальных.

* * *

**Москва. Один из особняков на окраине города.
Тот же день. 15 часов 00 минут**

На встречу мы с братом прибыли пунктуально. Уже на подлёте к дому я вспомнил, что это за таинственная организация, сотрудник которой попросил (*или приказал?*) встречи с нами.

При въезде предъявляем загодя приготовленные удостоверения сотрудников госбезопасности. Постовой на воротах удивлённо провожает нас взглядом, видя, что у нашего средства передвижения нет колес, и машина летит по воздуху, а не катится по асфальту.

Не привыкли ещё к автолётам. Должно пройти какое-то

время, чтобы на такие аппараты не пялились во все глаза.

У парадного стоит офицер в чине лейтенанта. Представляемся и интересуемся где найти полковника Лысенко. Тот козыряет в ответ и вызывается проводить сам. Поднимаемся на второй этаж, и через пару метров по коридору лейтенант указывает на дверь без таблички. Благодарим его и заходим.

– Здравия желаю! Нам назначена встреча с полковником Лысенко, – пытаюсь с чего-то начать разговор.

– Здравствуйте, товарищи Асташёвы. Проходите, присаживайтесь. Я и есть полковник Лысенко, Андрей Владимирович. Наша беседа будет неофициальной, а потому можете просто называть меня по имени-отчеству. Начнём с того, что наше ведомство в курсе вашего последнего дела. Не скрою – удивлён, но учитывая ваш послужной список – не сильно. Наверное, главный вопрос, который интересует вас – для чего я сюда обоих пригласил?

– Именно так. Столько лет вообще никакой активности и вдруг...

– Всё дело в том, что даже в нашем ведомстве нет специалистов такого уровня, который вы показали при спасении людей. Я возглавляю технический отдел, который готовит пилотов новых летательных аппаратов. У руководства КГБ есть большая просьба: провести показательные занятия на одном из наших полигонов. Нужно показать вживую нашим специалистам нюансы вашего способа удержания машины над водой.

– Без проблем, Андрей Владимирович! А как долго будет проходить обучение, и сколько дней вы планируете затратить на подготовку?

– Вы стеснены во времени?

– И да, и нет. Просто тогда нам придётся подкорректировать свою поездку во Францию.

– Решили двинуть на родину Лавелье? – хитрый огонёк в глазах Лысенко показывал полную осведомлённость о наших планах.

– Совершенно верно.

– Не беспокойтесь. Пару дней мы у вас заберём, зато поможем кое в чём другом.

* * *

2 июля 1961 года. Подмосковье. Общежитие Академии Далёких Перспектив. 10 часов 25 минут

Уже час как мы упаковываем сумки и баулы во вместительный багажник нашего автолёта. Предстартовая суэта, суতোлка вокруг багажника, толпа зевак обоего пола около летательного аппарата, который ещё всем в диковинку. Наконец, мы усаживаемся в салон и под свист и улюлюканье собравшихся взмываем вверх. Тёмка уверенно ведёт автолёт, рядом в кресле удобно расположился Франсуа – ему предстоит показывать дорогу до предместья Шато де Брандон. Конечно тогда, когда попадём во Францию, но это дела

не меняет.

Оглядываясь на перипетии прошедшей недели, с удовольствием вспоминаю обучение сотрудников госбезопасности пилотированию дисколёта. Занятия проходили до пятницы включительно. Тот манёвр, что я сделал при эвакуации пострадавших совершенно спонтанно, удалось отточить самому и научить ему пилотов КГБ. Конечно, пару пандусов несильно помяли, но, в общем и целом, научились. Лысенко поблагодарил меня от имени всех собравшихся на полигоне и вручил записку с несколькими телефонными номерами и паролями для быстрого решения проблем при возможных нештатных ситуациях.

От воспоминаний меня отвлекает шёпот Ингрид.

– Мне на днях папа звонил.

Так-так-так... то, что папа звонил, это я знаю. Посмотрим, как ты выкрутишься, чтобы не сказать, кто ты есть на самом деле.

– Сказал, что гордится мною. Оказывается, в Норманнском Протекторате я первая, кто получила эту медаль.

– *Ы!* А про меня разговор папы с тобой не перескажешь?

– А ты где пропадал? Я тебе звонила в среду и четверг, но твой телефон был недоступен.

– Меня мой папа попросил показать тот трюк со спуском на воду для пилотов госбезопасности. Пришлось с ними заниматься пару дней. А там, сама понимаешь, все телефоны должны быть отключены, чтобы не мешать учебному про-

цессу.

– Да-да, конечно. Наверное, ты испытывал волнение при общении с сотрудниками госбезопасности? По-моему, это серьёзная организация.

– Серьёзная – в смысле страшная?

– Нет. Я имела в виду именно серьёзность, с которой они выполняют свою работу.

– По твоему выражению лица, тебе кажется, что они вообще не люди, а какие-то роботы, – с трудом сдерживаю улыбку на лице, чтобы не обидеть девушку.

– Нет, но их работа накладывает отпечаток и на их личную жизнь.

М-да... как же боятся простые люди КГБ. Надо будет психологически подготовить Инни к тому, что я тоже офицер госбезопасности.

– Ерунда. Обычные люди – ничем не хуже и не лучше других. Просто порядка в поведении больше, уравновешенности и немногословности, что ли...

– Можно подумать, что все люди такого склада характера работают в КГБ. Ты, вот, похож стилем поведения на них, так что, ты тоже работаешь в госбезопасности?

В этот момент я приложился к бутылке с лимонадом и последний вопрос Ингрид застал меня врасплох. Фыркнул, поперхнулся и закашлялся. Она принялась энергично стучать меня по спине.

Один-ноль в пользу моей девушки. Чёрт! А ведь со сторо-

ны можно и так подумать. Попробуем всё сказанное превратить в шутку.

– Ну, ты меня уморила, – улыбаюсь и пытаюсь обнять её. – Ещё скажи, что мой брат тоже офицер госбезопасности.

– Не-э-эт! Он точно не из них.

А вот тут ты не права, дорогая. Внешность и стиль поведения бывают обманчивы.

– У вас всё нормально? – интересуется Юкки. – Помощь не нужна?

– Нет, всё в порядке, – спешу успокоить нашего медицинского специалиста. – Просто у нас тут спор с Ингрид вышел.

– Какой? – этот вопрос задало несколько человек, немного изнывающих от безделья и сразу почуявших интересную тему для разговора.

– Товарищ Олафссон считает, что мой стиль поведения говорит о том, что я являюсь сотрудником госбезопасности.

– Ы-ы-ы! Ха-ха-ха! – наперебой захохотали друзья. – Ингрид! Ты ещё скажи, что они с Тёмкой – сыновья самой Председателя Верховного Совета СФГ.

Твою дивизию, а! Ну, не в бровь, а в глаз! И ведь правы они, на сто процентов правы! Представляю, какой фурор был бы, признайся я в этом.

– Да ну, вас! – с лёгкой гримасой досады Ингрид отворачивается к окну.

– Не дуйся, – легонько касаюсь её плеча.

– Не дуюсь.

– А я вижу, что дуешься.

– Нет, не дуюсь.

– Будешь дуться – поцелую. При всех.

– Только попробуй!

– А ты против? А сама в дисколёте? Значит, тебе можно, а мне нельзя? – с этими словами поддвигаюсь к моей любимой девушке и, нежно обнимая её, целую. Сначала следует лёгкое противостояние, затем просто ничегонеделание, а потом её руки обвивают мою шею.

– Раз, два, три... – считают друзья. Только при счёте пятнадцать мы разнимаем губы.

– Вам уже регистрироваться нужно, – хитро замечает Радила. – Может, прямо во Франции?

– Мы сами решим, Ради, хорошо? – с вызовом парирует ей Ини.

– Да пожалуйста, кто вас неволит-то?

* * *

Воздушное пространство французской республики. Тот же день. Вечер

Долетели благополучно. Расстояние почти в две с половиной тысячи километров со скоростью 300 километров в час мы покрыли за десять часов. Пришлось дважды останавливаться на привал. Первый раз это было живописное местечко вблизи маленького городка Нови-Бор, что в Чехословакии,

а вторично – не менее уютная поляна около люксембургского Арланжа. Как в первом, так и во втором случае мы успели отдохнуть и улететь ещё до того, как к нам наведались местные жители.

И вот мы во Франции. Франсуа сразу заволновался, постоянные эмоциональные команды «левее возьми!», «так, а теперь правее, правее!» основательно достали меня. Наконец, добираемся до Бургундии и, пройдя Дижон на высоте птичьего полёта, поворачиваем на юго-запад. Сразу за обширным лесным массивом виден замок. Лавелье что-то бормочет и вскидывает вверх руки. На немой вопрос друзей кратко отвечает:

– Приветствую отчий дом.

Наш автолёт мягко совершает посадку на лужайке перед творением средневековых мастеров. Мы с нетерпением вытряхиваемся из салона и разминаем свои затёкшие косточки. Навстречу нам устремилось несколько человек, в которых главный вдохновитель цели этого маршрута без труда узнаёт своих родителей. На вид им чуть более пятидесяти.

– Отец! Мама́!

– Франсуа, сынок! – их акцент заметен.

Здесь, в глубинке Франции, общегосударственный язык не так в ходу.

– Позвольте мне поприветствовать всех удостоивших нас чести прилететь в замок Шато де Брандон! Я рад познакомиться с друзьями моего сына, о которых мы наслышаны

не только по рассказам Франсуа! Твоя сестра на днях показала мне очень захватывающий репортаж... э-э-э... по спасению моряков. Я очень горд, что мой мальчик участвовал в этом благородном мероприятии и даже удостоен награды! Мерси боку, сын! Ты с честью продолжаешь традиции рода Лавелье, и наши... э-э-э... предки могут тобой гордиться. Твой прадед, граф Антуан Лавелье...

– Отец! Я же просил не упоминать о сословии!

– Не волнуйся, Франсуа! Не стоит забывать историю своего рода, ибо нечем будет гордиться и нечего рассказать своим детям, – деликатно возражаю ему.

– Вы Серж... э-э-э... Сергей? Прошу прощения, я не очень хорошо говорю по-русски. Примерно таким я и представлял вас. Вы – настоящий лидер этой небольшой команды.

– Благодарю за комплимент... извините, не знаю вашего имени-отчества.

– Можно просто – Луи.

– Нет. Как-то непочтительно по отношению к вам. Лучше пусть будет граф. Да и меня можете звать Сержем, я не обижусь.

– Если бы мы жили во времена наших предков, я бы сказал, что вы – дворянин. Вы учтивы, хорошо воспитаны и умеете расположить к себе, а это не каждому дано.

– Отец! Ты опять за старое?!

– Старею, мой мальчик, старею... типичная меланхо-

лия, переходящая в старческое занудство, – развёл руками граф. – А где моя... хм... будущая невестка? А! Вот она! Подойди к старику, я очень рад, что мой сын выбрал себе такую красивую мадемуазель! Как это будет по-японски... э-э-э... вот ведь старый пень. Весь день учил, но сейчас забыл. А! Коничивá!

– Коничивá! – смущаясь, отвечает Юкки и неожиданно для всех переходит на французский, произнеся несколько фраз.

Графиня всплескивает руками, её глаза сразу намокают и она горячо, по-семейному, обнимает девушку.

Навстречу нам из замка бежит со всех ног молодое создание лет так четырнадцати. Девочка сходу кидается в объятия Франсуа и расцеловывает его лицо.

– Франсуа, братик! Я очень рада твоему приезду! Я видела репортаж! Я читала о тебе и твоих друзьях! Вы все – настоящие герои!

Ох, уж этот юношеский максимализм!

Вечерний ужин был великолепен. Необычайно красивый стол времён XIX века был полон всевозможных яств и напитков. Граф жутко волновался, отчего временами был похож на метрдотеля перед важными персонами.

– Смеею предложить вам великолепное бургундское вино урожая 1954-го года. В тот год он был просто потрясающий. Вино того урожая мягкое, не сколь пьянит, сколько греет кровь... или фазаны... мой друг, узнав, что ко мне прие-

дет целая делегация таких выдающихся людей, презентовал несколько штук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.